

ОТ
ШЕСТИ
ВЕЧЕРА
ДО
ПОЛУНОЧИ

*

А. Э. Мэндер

А. Э. Мэндер

От шести вечера до полуночи

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. ТОПЕР и В. КУРЕЛЛА

✱

ПРЕДИСЛОВИЕ
В. РУБИНА

1 9 4 7

Государственное издательство
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

A. E. Mander

6 P.M.

TILL MIDNIGHT

MELBOURNE

1945

ПРЕДИСЛОВИЕ

Небольшая книга австралийского публициста А. Мэндера «От шести вечера до полуночи», вышедшая в Австралии в 1945 году, представляет собой одно из немногих исключений в числе книг зарубежных авторов, посвященных проблемам культуры, являясь по существу резким критическим обличением современной буржуазной цивилизации.

В откровенной и недвусмысленной форме автор книги говорит о неизлечимых недугах этой цивилизации. Он показывает, из каких основных элементов складывается то, что называется «культурной жизнью» среднего человека в странах английского языка. Одновременно он вскрывает влияние «продуктов» этой культуры на мораль и нравы буржуазного общества.

Ставя в своей книге вопрос о характере современной цивилизации капиталистического мира, Мэндер приходит к выводу, что она менее всего заслуживает названия цивилизации. «Это цивилизация торгашеская», — заявляет он. Исходя из убеждения, что определить характер цивилизации легче всего по тому, как проводит свое свободное время средний, рядовой человек, Мэндер анализирует в своей книге те «культурные блага», которыми пользуется этот человек «в часы досуга» — то есть от шести вечера до полуночи (отсюда и название книги). Уже в первых главах Мэндер говорит о том, что этот средний человек, являющийся по существу главным героем его книги, живет «пустой жизнью». При этом, подчеркивает Мэндер, речь идет не только о бедности материальной, но в первую очередь о «духовной нищете», в которой он видит один из источников аморальности, пороков и преступлений, характерных для современного буржуазного общества. По словам Мэндера, лишь очень немногие люди на Западе живут полной и целеустремленной жизнью. Подавляющее же большинство, развращаемое распространителями «духовных наркотиков», пользуется лишь жалкими суррогатами, как небо от земли далекими от подлинной культуры. Жизнь среднего человека

в условиях капитализма прежде всего неинтересна, утверждает автор. Если время, проводимое этим средним человеком на работе, лишь утомляет физически, не принося никакого удовлетворения, как всякая подневольная работа, стимулируемая одним только заработком, то и «часы досуга» ни в какой (мере не обогащают его в интеллектуальном отношении, а напротив, развращают его сознание, пагубно отражаясь на вкусах, способностях критического суждения и эстетического восприятия литературы, искусства и т. д. Через всю книгу Мэндера проходит мысль о том, что решающим критерием «культурной жизни» на Западе для вершителей ее судеб являются соображения прибыли, которые определяют, какой из «продуктов культуры» должен быть пущен в массовый оборот, а какой, напротив, скрыт от потребителя. Пусть данная книга, пьеса, кинофильм будут трижды вредны для читателя или зрителя, пусть они прививают ему дурной вкус, развивают в нем порочные наклонности и т. д., но если при этом они сулят выгоду, — разумеется, не только финансовую, но и политическую, отвлекая массы от «борьбы за свои насущные интересы, — то путь этим рентабельным «продуктам культуры» широко открыт. Если же, напротив, возникает хотя бы малейшая опасность, что данное произведение культуры будет способствовать подлинному просвещению народа, поможет ему осознать хотя бы некоторые из стоящих перед ним проблем, государственный аппарат и так называемое «общественное мнение» изыскивают достаточно эффективные средства, чтобы преградить этому произведению доступ к массам.

Мэндер бегло останавливается и на проблемах домашнего и школьного воспитания, исходя главным образом из опыта самой Австралии. Как правило, говорит он, школьные учителя и сами родители мешают развиваться природным способностям детей, заглушая их любознательность и стремление осмыслить явления окружающей действительности. Экономическая система Австралии ограничивает для очень многих возможность завершить школьное образование. Еще до второй мировой войны, по свидетельству Мэндера, «лишь половина австралийских школьников обоего пола могла продолжать занятия после четырнадцати лет». По окончании школы детей трудящихся ждет однообразная, монотонная работа на производстве, в результате которой они не только не приобретают никакой квалификации, но, как отмечает Мэндер, превращаются в автоматы, повторяющие одну и ту же несложную опера-

цию. Через несколько лет их увольняют, и они уступают место более дешевой рабочей силе. Таково, говорит Мэндер, «тяжкое преступление, совершаемое обществом». Выброшенные за борт производства, ничему не научившиеся, а напротив, растерявшие тот скудный запас знаний, который дала им школа, эти жертвы капиталистической алчности вступают в жизнь изуродованные условиями окружающей среды.

После разбора системы домашнего и школьного воспитания Мэндер переходит к основным разделам книги, к тем способам «культурного времяпрепровождения», которые он именует «духовными наркотиками». На первое место среди них он ставит кино, как наиболее распространенный вид «духовной отравы». Большинство кинофильмов, по его словам, служит «развлечением для пустого, пассивного ума». Продукция Голливуда, подчеркивает Мэндер, предназначена для «наименее развитой, наименее сознательной части зрителей», которые ищут «счастья, отрады и вдохновения в мире бутафории». Вместе с тем это мнимо-аполитичное искусство уводит людей в сторону от реальной жизни, губительно воздействуя на их вкусы, идейные устремления и суждения, и тем самым выполняет определенную политическую задачу.

Затем Мэндер останавливается на роли радио, характеризуя его как одно из средств «односторонней пропаганды, — будь то политическая, религиозная или коммерческая», призванной «развернуть общественное сознание» и заставить слушателя «проглатывать определенные идеи и чувства... не подвергая их самостоятельной критике».

Наиболее подробно автор рассматривает прессу, разрушая легенду о ее «свободе и независимости» и показывая, что она служит целям тех руководящих сил буржуазного общества, которые заинтересованы в обмане и дезинформации широких кругов.

По заключению Мэндера, те читатели, которые ищут в газете не легкого чтения, а «хотят знать правду о значительных фактах, событиях, явлениях», оказываются в крайне трудном положении. «Отсеять зерна вероятной истины от хаотической массы слухов, догадок, фальсификаций, искажений и преувеличений, заполняющих столбцы чуть ли не всей еженедельной и ежедневной прессы.. задача почти безнадежная. Как может даже самый вдумчивый читатель уловить истину, если газеты.. изымают (или по меньшей мере затушевывают) любую информацию, противоречащую интересам владельца газеты или рекламодателя?»

Далее Мэндер анализирует «массовую» литературу, предназначенную для малоразборчивого западного читателя, подчеркивая тот неизмеримый вред, который приносят этому читателю дешевые детективные и бульварные романы, принадлежащие к «самому жалкому, низменному, грубому виду чтива». Указывая, что эти уголовно-сенсационные романы, равно как и желтая бульварная пресса, недостойны чтения, Мэндер с иронией восклицает, что при существующих условиях едва ли можно считать ликвидацию неграмотности большим благодеянием.

Этим исчерпываются разделы книги, посвященные вопросам культуры (остальные главы—о любви, о семейном быте и т. д.—хотя и не лишены интереса, но в них в большей степени проявляется наивность автора и ограниченность его кругозора).

Из сделанных наблюдений о характере культуры в Австралии Мэндер извлекает и некоторые политические выводы. Так, например, он указывает, что «не может быть подлинной политической демократии, пока народ остается в зависимости от несвободной прессы». Констатируя факт «проникновения отравы во все отрасли культурной жизни», Мэндер дает понять, что он не видит возможности успешной борьбы с этим злом при нынешних социальных условиях. Он пишет. «Продажа таких «наркотиков» в высшей степени прибыльна, а при нашей нынешней социально-экономической системе всякое посягательство на любую форму извлечения прибыли осуждено заранее, осуждено всеми органами пропаганды, поставленной на службу коммерческим интересам. Лучше открыто признать тот факт, что у нас мало надежды искоренить торговлю «духовными наркотиками», пока у нас сохраняется такая форма цивилизации (?) (вопросительный знак автора.— В. Р.), при которой соображения прибыли решают, что должно и что не должно предлагаться публике».

Хотя Мэндер говорит в первую очередь об Австралии, совершенно ясно, что он имеет в виду положение не только в одной этой стране. Известно, что в отношении таких отраслей культуры, как кино, пресса, литература, Австралия представляет собой фактически колонию американцев и англичан и всецело зависит от импорта «продуктов культуры» из своей англо-американской «метрополии». Несмотря на то, что Австралия имеет свою самобытную, национальную культуру, и в частности, литературу, представленную именами таких талантливых писателей, как, например, Лоусон, К. С. Притчард и др., из США и Англии в Австралию

ввозится львиная доля всех книг, поступающих в библиотеки и книжные магазины, и всех фильмов, демонстрируемых на экранах кинотеатров, — а австралийские радиостанции немалую часть своей программы отводят трансляциям из Англии и США. В последнее время проникновение «культурного» влияния Англии и США в Австралию еще больше усилилось, что является частью развернутого плана «культурной экспансии» Нью-Йорка и Лондона. Если даже такие страны, как Швеция, Норвегия, Италия, Франция, и оккупированные зоны Германии стали сейчас объектом усиленной «культурной обработки», в первую очередь со стороны США, то Австралия, являясь «страной английского языка», и подавно привлекает внимание англо-американских «экспортеров культуры».

Неудивительно, что А. Мэндер с горечью пишет о том, что «в наши дни Голливуд формирует вкусы, моральный кодекс, мерила общественных ценностей... большей части нашего (то есть австралийского) народа».

Таким образом, выступая против засилия ввозимых в Австралию англо-американских «культурных ценностей» более чем сомнительного свойства, Мэндер стремится оградить духовное здоровье и интересы своих сограждан. Но это лишь одна сторона дела. Неизмеримо более широкое значение имеет книга «От шести вечера до полуночи» как суровый обвинительный акт, предъявляемый всей буржуазной культуре нашего времени. Эта особенность книги тем более заслуживает внимания в нынешних условиях, когда многочисленные апологеты и пропагандисты буржуазной культуры, используемой как одно из орудий империалистической экспансии, твердят на все лады о «превосходстве» и «жизненности» этой культуры, о неизбежном наступлении во всем мире «американского века», «эры атомной цивилизации» и т. п. Какой бы пышной фразеологией ни прикрывались адвокаты этой «цивилизации», они бессильны скрыть или затушевать подлинный характер своей пропаганды, неразрывно связанной с прямыми интересами крупных монополий и финансовой олигархии США и Англии, стремящихся к мировому господству. Тут уместно напомнить и о тех репрессиях, которым подвергаются за рубежом прогрессивные деятели культуры, стремящиеся приблизить ее к народу и парализовать действие «духовных наркотиков». Достаточно указать на такие факты недавнего времени, как кампания реакционной прессы против прогрессивных деятелей

американской кинематографии, как отстранение от работы американских радиокомментаторов, разоблачавших планы реакционных кругов и т. д.

Книга А. Мэндера перекликается с некоторыми выводами американского профессора Дэвиса, автора книги «Капитализм и его культура», в которой также отмечается тлетворное влияние капиталистического строя на развитие культуры. Необходимо, однако, отметить, что А. Мэндер не стремится придать своей работе научный характер, он не перегружает ее ни статистическими данными, ни цитатами, и даже число конкретных примеров, иллюстрирующих ее положения, сведено к минимуму (о чем нельзя не пожалеть). Судя по всему, автор старался придать своей книге возможно более популярную форму, чтобы таким образом облегчить ей доступ в самые широкие читательские круги, на которые она рассчитана. Он строит ее по типу дружеской беседы, запросто ведущейся с группой слушателей. Отсюда вытекают как достоинства, так и некоторые недостатки книги. В числе первых мы назвали бы предельную откровенность, искренность тона, простоту изложения. Вместе с тем, избранная автором форма предопределила и один из недостатков этой книги, заключающийся в некоторой абстрактности. Возможно, что Мэндер, ограничиваясь минимальным числом конкретных примеров, исходил из того, что его аудитория не нуждается в таких примерах и иллюстрациях, понимая с полуслова, что хочет сказать автор. Наши советские читатели пожалеют о некоторой декларативности положений автора, но и они отдадут должное достоинствам книги и сумеют оценить убедительность его критических замечаний.

Важно также указать на следующие особенности рассматриваемой книги. Она показывает, что «утонченная» и «разносторонняя» буржуазная культура наших дней, якобы чуждая стандарту, гарантирующая «свободу» творчества и т. д., является на деле не чем иным, как гигантским комбинатом по производству «духовных наркотиков» (так Мэндер именуется радио, кино, развлекательную литературу и прессу).

Другая характерная черта книги Мэндера — ее немногочисленные, но вместе с тем очень выразительные ссылки на Советский Союз; так, автор говорит, что именно в СССР «миллионы людей сознают, что труд их приобрел новую значимость, как часть коллективных усилий, направленных на строительство нового мира». В другом месте он указывает, что в СССР в противо-

положность капиталистическим странам сознание общности цели сплачивает людей в единый коллектив. Сознательный труд советских людей, направленный на благо всего народа, Мэндер противопоставляет «мертвящей и бесцельной» работе на капиталистическом предприятии, лишенной всяких творческих стимулов. Автор говорит об этом контрасте в несколько общей форме, может быть, побуждаемый к этому и цензурными условиями, но даже эти краткие упоминания находятся в резком противоречии со злобными выпадами и клеветническими вымыслами реакционных литераторов, столь усиливших свою активность в последнее время.

Уже эта краткая характеристика содержания книги показывает ее своеобразие и бесспорную актуальность. Она несомненно будет прочитана с интересом в Советском Союзе, где вопросы культуры имеют первостепенное значение в жизни всего народа, где литература, театр, кино, радио служат делу воспитания подрастающего поколения и всего народа в целом в духе преданного служения Родине, в духе верности великим идеям Ленина и Сталина, являющихся светочем для всего прогрессивного человечества. Советская культура помогла гражданам нашей страны сражаться в годы Великой Отечественной войны; она помогает им в великих трудовых подвигах, совершаемых в дни мира. За 30 лет существования Советского государства в нашей стране созданы замечательные произведения литературы и искусства, обогатившие сокровищницу мировой культуры. Сопоставляя успехи, достигнутые на культурном фронте нашей страны, с теми проявлениями распада и вырождения буржуазной культуры, о которых пишет, в частности, в своей книге А. Мэндер, советские люди вправе испытывать законное чувство гордости и удовлетворения.

Наша вступительная статья была бы неполной, если бы мы не указали также на некоторые недостатки, присущие данной книге и определяемые идеологической позицией автора. При чтении ее нетрудно заметить, что доводы автора обладают убедительностью именно в критической части книги, где он бичует хорошо знакомые ему пороки и уродства буржуазной культуры. В своих же позитивных взглядах, в частности там, где он предлагает свои рецепты и средства борьбы с «духовными наркотиками», он не поднимается над уровнем либерального мелкобуржуазного реформатора. В самом деле, та панацея, то противоядие, которое предлагает А. Мэндер, заключается в благих пожеланиях и советах, например, «избрать для себя какой-то интерес в жизни».

У Мэндера получается, что любая деятельность, любые интеллектуальные интересы, — будь то собирание марок или борьба за идею, — чуть ли не в равной степени могут сыграть свою благотворную роль в борьбе с «духовным опиумом». Ограниченность кругозора автора, наивность его советов очевидны. Автор не понимает, что только коренное изменение экономических основ буржуазной цивилизации может привести к коренным изменениям в области идеологии. Взаимосвязь между экономическими основами общества и его культурой Мэндер уясняет себе далеко не в полной мере.

Бросаются в глаза и некоторые другие ошибки автора, например, в его рассуждениях о коммунизме и христианстве и т. д.

Несмотря на свои недостатки, книга Мэндера поможет читателю составить себе правильное представление о деградации современной буржуазной культуры, которая является не чем иным, как «духовным наркотиком», намеренно распространяемым господствующими классами в своих корыстных целях.

В. Рубин.

Досуз

Можем ли мы считать себя цивилизованным народом?

Ответ на этот вопрос, разумеется, зависит от того значения, которое мы придаем слову «цивилизованный», от того смысла, который вкладывается в это понятие.

Некоторые думают, что цивилизация определяется нашим материальным окружением, во всяком случае той его частью, которая создана руками человека. Некоторые, повидимому, думают, что цивилизация — это городские улицы, красивые дома, автомобили и пассажирские самолеты, комфортабельное жилье, пылесосы, рефрижераторы, заводы, оборудованные по последнему слову техники, ипподромы, смокинги и кинодворцы.

Однако имущественные блага, материальное окружение и даже та часть этого окружения, которая создана человеческими руками, еще не есть мерило цивилизованности народа. Дело не в том, какими *материальными благами* обладают люди. Важно, *что они представляют собой* как человеческие личности. Люди бывают цивилизованными или нецивилизованными, — люди, а не вещи. Это, конечно, истина общеизвестная, но пусть не сетуют на автора, если он подчеркивает ее лишний раз, ибо общеизвестные истины чаще всего ускользают от нашего внимания.

Люди, и только люди, бывают цивилизованными в полной или не полной мере, — об этом следует судить по их образу мыслей, по строю их чувств, по их поведению, по тому, как они живут. Вот более или менее удовлетворительное определение цивилизованности: цивилизованный народ состоит из умственно развитых необразованных людей, обладающих определенными критериями, эстетическими нормами, чувством общественного долга и живущих полной, богатой, деятельной, целеустремленной жизнью.

Обратите внимание на последние слова, под этим углом мы главным образом и будем рассматривать цивилизацию. Итак, чтобы быть по-настоящему цивилизованным, человек должен жить полной, богатой, осмысленной жизнью. Иначе говоря, он должен чувствовать активный интерес к жизни и главное удовольствие находить «в тех видах деятельности, которые требуют активного приложения его сил и способностей».

Дав такое определение цивилизации, мы снова повторим прежний вопрос: можно ли считать нас цивилизованными людьми?

Есть один критерий — очень верный и простой, который приложим к любому человеку. Нам хочется узнать, что собой представляет тот или иной мужчина, та или иная женщина. Можно ли считать их действительно цивилизованными? Живут ли они полной, осмысленной жизнью? Прекрасно! Пусть они ответят нам на следующий вопрос: что они делают, как они проводят время в свой уик-энд или *от шести вечера до полуночи*?

У большинства из нас день уходит на работу, на то, чтобы добыть себе средства к существованию. Конечно, есть среди нас и такие счастливицы, профессия которых интересна и позволяет им жить полной, богатой, интересной жизнью на работе. Но это удел немногих. Чаще всего работа бывает нудная, малоинтересная, не требующая особых умственных усилий и не богатая разнообразием. Сколько людей, и в городе и в деревне, тянут лямку, мечтая только о том, чтобы поскорей кончился рабочий день.

Большинству людей при современных условиях существования работа, помимо всего прочего, кажется еще и бессмысленной, бесцельной. Они сами сознают, что работают *только* ради жалованья или ради того или иного денежного вознаграждения. Да многие ли из нас ценят свою работу как таковую? Многие ли согласились бы продолжать ее, если бы, скажем, выиграли 100 000 фунтов стерлингов? Работа получает какой-то смысл, может быть, только во время войны, во всяком случае для тех, кто трудится «на пользу фронта», и, разумеется, в России,

где миллионы людей сознают, что труд их приобрел новую значимость, как часть коллективных усилий, направленных на строительство нового мира. Но в нашей стране в мирное время этого нет и пока что быть не может. У большинства людей и работа сама по себе неинтересная и отношение к труду сводится только к необходимости прокормить себя и семью.

Следовательно, в наши дни широкие массы населения могут жить по-настоящему — жить полной, богатой, осмысленной жизнью — только во время уик-энда и от шести вечера до полуночи.

Поэтому я говорю: если мы хотим узнать истинную цену человеку — любому человеку, — нам прежде всего надо поинтересоваться, как он проводит свои вечера. Получив ответ на этот вопрос, мы сможем сказать — цивилизованный он человек или нет. Получив ответ на этот вопрос, мы сможем судить, живет ли он в полном смысле слова или нет. Ибо наш характер и наши качества лучше всего познаются по тому, как мы проводим уик-энды и вечера.

Другими словами, одним из самых точных критериев цивилизованности служит наш досуг.

Давно пора сдать в архив ту мысль, будто бы свободные часы предназначены прежде всего для отдыха и восстановления сил после работы, так, чтобы отдохнувший и освежившийся человек смог продолжать ее на следующий день. Теперь на это смотрят несколько по-иному. Досуг, те часы, которые люди используют «для себя», — это время (и для многих единственное время), когда они могут жить полной жизнью. Досуг необходим нам не только для того, чтобы мы были в состоянии продолжать работу. Скорее наоборот, мы и работаем-то главным образом для того, чтобы получить какие-то часы досуга для настоящей жизни.

Это обстоятельство очень важно. Особенно должны с ним считаться те, на ком лежит ответственность за нашу систему образования. Задача школы в значительной степени состоит в том, чтобы вырастить людей, которые от шести вечера до полуночи будут жить полной, богатой, интересной, осмысленной жизнью.

Время, которое принадлежит нам

Представьте себе такую сцену, — увы! — довольно обычную в быту.

— Куда же нам деваться сегодня вечером?

Они уже нигде не бывают, им все надоело до тошноты. Да собственно, и пойти-то некуда. За последнее время они пересмотрели десятки кинокартин. Им приелись чужие приключения и романы. Пойти погулять? — скука смертная! А если сидеть дома, — как, очевидно, придется, — куда девать все эти долгие часы? Как провести время?

Он плюхается в кресло, берет газету, включает приемник, настроенный на коммерческую радиостанцию. Его глаза пробегают газетные страницы, колонку за колонкой. Но от такого невнимательного чтения через десять минут в голове у него ничего не остается. Читая, он краем уха слушает радио. Оттуда несутся обрывки бредовой музыки, одурачивающая пошлость рекламы, сентиментальное сюсюканье и завывание, кривлянье комика, какая-то дурацкая «беседа», передача с продолжением, снова реклама — на сей раз рекламируется патентованное лекарство, стоимость которого 4 пенса, а продажная цена 4 шиллинга 6 пенсов.

Ему приятно, что радио включено, но он его почти не слушает, не слушает он и того, что говорит жена, голос которой состязается с радио. Она томится не меньше мужа. Но ведь надо же как-то провести время! И она говорит, говорит, говорит... рассказывает ему с гнетущей обстоятельностью все, что с ней было за этот длинный скучный день... каждую мелочь — все виденное, слышанное и сказанное по тому или иному поводу. Болтая, она тоже краем уха слушает радио. В руках у нее, вероятно, какой-нибудь иллюстрированный журнал, и время от времени она прекращает свой бесконечный монолог и быстро пробегает глазами страничку «трогательного» романа с тем, чтобы уже через минуту забыть прочитанное.

Между тем он уже бросил газету и крутит ручку радиоприемника, отыскивая «что-нибудь повеселее, поинтереснее»; потом начинает слоняться из комнаты в комнату; снова садится в кресло и берет газету; швыряет ее на пол; несколько минут прислушивается к маловразумительному диалогу, несущемуся из радиоприемника; с раздражением выключает его; снова включает, лишь бы прекратить нытье жены... озирается по сторонам, ища какого-нибудь другого, первого попавшегося — любого! — способа «провести время».

Если бы им обоим *хотелось* хоть что-нибудь *делать!*

Днем он на работе, и, хотя работа у «его не очень интересная, служба все же как-то заполняет время. Она тоже занята, если не весь день, то хотя бы часть дня. И у них обоих такое ощущение, будто они работают слишком напряженно, слишком много. Обоим хочется, чтобы жизнь давалась им легче, иначе говоря, чтобы не надо было тратить столько времени на работу. Меньше работать, больше пользоваться досугом, больше иметь времени «для себя».

Но вот наступил вечер, они хозяйева своего времени... и не знают, куда его девать. Единственное их желание — это «провести» время, «убить» время, как-нибудь справиться с ним, не превышая при этом нормальной порции скуки, которая является для них привычным состоянием.

Пусть кто-нибудь займет нас в наши свободные часы! — вот предел их требований. Им нужно, чтобы их развлекали, то есть заполняли им голову чем-нибудь и бездумным и приятным, — тут приходят на помощь радиопередачи. Или чтобы кто-нибудь преподнес им готовенькие мечтания и суррогат жизни на экране кинотеатра. Или выпускал газеты и журналы, которые можно прочитывать без малейшего умственного напряжения и тут же забыть. Или дайте им футбол, скачки, борьбу — что угодно, лишь бы было на что посмотреть.

И ведь это не обязательно какие-нибудь глупцы и невежды. Во всяком случае им не обязательно такими становиться. Когда-то они были детьми, смышленными, пытливыми и жадными до жизни. Но, как кто-то правильно заметил, мир полон смышленных детей, —

куда же девается вся их смышленность, когда они вырастают?

Большинство взрослых в свое свободное время — в часы досуга, в уик-энды, по вечерам — испытывает гнетущую скуку и тоску... если их никто не развлекает. У них нет никаких интересов, никаких особенных пристрастий, никакого стремления что-нибудь создать, сделать, усвоить, овладеть знаниями, нет даже желания насладиться музыкой, серьезной книгой — чем-нибудь таким, что требует сосредоточенности и раскрывается во всей полноте только перед теми, кто прилагает к этому хотя бы минимальные усилия. Они не способны увлечься никакой идеей. У них нет никаких внутренних стремлений» никакой цели, другими словами, их досуг проходит «бесцельно».

Если бы!.. Если бы только у этих людей было хоть *что-нибудь*, чем им действительно хотелось бы заняться в свободное время!.. Если бы у них был *какой-нибудь* серьезный интерес, под знаком которого проходила бы вся их жизнь! Если бы они могли на *что-нибудь* с радостью устремить все свои силы — умственные, физические, душевные, — посвятить их определенной цели, деятельности, эмоции! Иметь положительный и активный интерес в жизни!

Но увы! Миллионы смышленных, всем интересующихся, пытливых детей выросли и ведут скучную, пустую жизнь. Их свободное время ничем не богато, ничем не осмыслено. Пустота, убожество, бесцельность. Вне работы у этих взрослых людей нет никаких активных интересов, а работой и подавно мало кто интересуется. И действительно, единственное, что они могут делать со своим свободным временем, — это «проводить» его. Чтобы как-то провести время, можно кататься на машине или сидеть пассивно в кресле, пока кто-то другой развлекает тебя фильмами, радио или «легким» чтением — другими словами, пытается занять чем-то более или менее приятным твой праздный ум.

Вот, пожалуй, одна из величайших трагедий общества, которое могло бы стать цивилизованным. Это трагедия миллионов человеческих жизней.

Как спасаются от скуки

Для того, чтобы «убить» время — свое свободное время, многие люди требуют: «развлекайте меня!» А это есть не что иное, как наркотик. Развлекайте человека чтивом, радио, кинофильмами, придумайте какой-нибудь другой вид развлечения, предаваясь которому он мог бы оставаться пассивным и лишь позволять, чтобы кто-то другой заполнял его ум и давал пищу его эмоциям. Убогий способ проводить время, убогая, неполноценная жизнь!

Но это еще не самый страшный результат неспособности цивилизации — во всяком случае до сих пор — воспитать людей так, чтобы большинство их умело жить. Есть другие, еще более антиобщественные способы проводить время.

Посмотрите на подростков — юношей и девушек, которые становятся хулиганами главным образом потому, что в них не воспитали ни серьезных интересов, ни целестремленности. Посмотрите на тех, кто ведет самую беспорядочную, недостойную человека половую жизнь, — отчасти потому, что у них нет эстетических норм поведения, а отчасти... отчасти потому, что больше им нечем заняться. Посмотрите на несчастных пьяниц у дверей уже закрытых на ночь ресторанов — людей, которые, напиваясь до бесчувствия, убивают время самым легким способом. Посмотрите на сотни тысяч несчастных супружеских пар — несчастных только потому, что, не умея интересно проводить свободные часы, мужья и жены дуются друг на друга и убивают время ссорами, пререканиями, воркотней и брюзжанием.

В обществе, члены которого, получив здоровое воспитание, жили бы полной, богатой, осмысленной жизнью, такие факты не имели бы места, а если бы и встречались, то лишь в виде исключения. Я позволю себе сказать, что приблизительно 90 процентов хулиганства, 80 — сексуальных излишеств, 70 — катастрофического алкоголизма, 60 — неумеренного потребления спиртных напитков и 50 процентов всех семейных неурядиц в конечном счете

являются последствиями скуки. Мы обязаны всем этим тому, что большинство людей не научилось жить. Им неведомы радости какого-нибудь увлекательного занятия, которое хоть и требует некоторого усилия, но зато вносит новый, захватывающий интерес в наше существование!

Убогие жизни, пустые жизни! Я имею в виду даже не столько убожество окружения и отсутствие материальных благ, сколько убожество и пустоту *самого человека!* Это служит причиной многого, что есть в нашей жизни мерзкого, антиобщественного, причиной пороков, аморальности и даже преступлений. Это порождает в людях такое уныние и хроническое недовольство, что вся жизнь их, кажется, уходит на непрестанную борьбу со скукой. Это вырабатывает в нас скверные привычки, например, привычку сплетничать от нечего делать, отравившую своим ядом немало человеческих отношений. Как уже упоминалось выше, внутреннее убожество и пустота, — пожалуй, больше, чем какой-либо другой фактор, — ведут к устрашающему количеству неудачных браков.

Остановимся на этом последнем утверждении. Муж и жена (подходящие друг к другу в сексуальном отношении) живут счастливо, если, кроме любви, их связывает и общность интересов. Ничто другое (помимо физической близости) так не крепит союза между мужчиной и женщиной, как совместная жизнь. Но «жить» — значит жить, а не только находиться под одной крышей. Мало сидеть в одной комнате и пассивно, каждый сам по себе, слушать одну и ту же радиопередачу. Мало сидеть рядом в кино и, глядя на экран, позволять актерам развлекать себя, каждого в отдельности. Совместную жизнь не построишь на такой негативной основе. Самые крепкие узы между мужчиной и женщиной создаются чувством товарищества, то есть общностью целей, общностью интересов, общностью активных (а не только пассивных) переживаний. В этом вернейший залог их счастья. Короче говоря, они должны жить вместе — *жить* в полном смысле этого слова!

То же самое относится и к каждой отдельной человеческой личности. Настоящая жизнь немыслима без цели,

без серьезных интересов, усилий, без активных или хотя бы вызывающих какую-то работу в сознании, а не только пассивных переживаний. Человек, живущий такой жизнью, всегда стремится что-то осмыслить, что-то создать, чем-то овладеть. Это прямо противоположно тому, чтобы просто проводить время или позволять другим развлекать тебя.

Жизнь насыщенная, деятельная бывает, как правило, и счастливой. Если человек жалуется, что ему «нехватает времени», — ведь сколько всего надо переделать! — значит он живет полной жизнью и по-настоящему счастлив. Кроме того, ему меньше чем кому-либо грозит опасность потерять облик цивилизованного человека и стать личностью антиобщественной. И, наконец, он никогда не окажется потребителем тех наркотиков, как физических, так и духовных, которые распространяются различными ловкими торгашами, — имя им легион.

Однако клиентура у этих поставщиков физических и духовных наркотиков весьма обширная. То же самое можно сказать и про других дельцов, распространяющих: товары, которые не способствуют ни благополучию, ни истинному счастью народа. С точки зрения коммерции низкий культурный уровень большинства из нас чрезвычайно выгоден. Все дело в том, что люди, не умеющие толково, интересно проводить часы досуга, всегда испытывают недовольство жизнью. Но, как правило, они не разбираются сами в истинных причинах своего недовольства. Им невдомек, что это недовольство результат их собственной пустоты, духовного убожества. И таких людей легче всего убедить, что им нужно обзавестись тем-то и тем-то.

Бизнес своего не упустит. Бизнесмен и его рекламная агентура услужливо кидаются вам навстречу. Предметы роскоши выдаются за предметы первой необходимости и рекламируются широко и весьма искусно. На какие только ухищрения не идет коммерсант, чтобы разжечь своего потенциального покупателя и заставить его мечтать о рекламируемом товаре. Кричащие, вызывающие к вам объявления в газетах; многокрасочные плакаты на всех видных местах; радио, из которого непрестанно несутся.

голоса — наглые, елейные, настойчиво тараторящие, вкрадчивые, громкие, назидательные, слащавые, терпеливо уговаривающие. Все это бьет в одну точку: внушить людям, что они не обретут душевного покоя до тех пор, пока не купят такую-то вещь. И не только душевного покоя, но и счастья!

Рекламодатель, конечно, нисколько не заботится об истинном благополучии общества и не заинтересован в том, чтобы люди испытывали потребность в тех вещах, которые действительно могут обогатить их жизнь. Его интересует только одно — прибыль. Он преследует одну цель — заставить людей покупать те вещи, сбыт которых принесет барыши акционерам какой-нибудь фирмы.

Рекламе удастся пробуждать в людях всё новые и новые «потребности». Поддаваясь ей, человек начинает чувствовать, что ему «необходимо» купить и то, и другое, и третье. И в результате людские массы начинают всё больше и больше испытывать чувство неудовлетворенности, становятся еще несчастнее, чем раньше, ибо у них нет средств на покупку всех тех вещей, которые подсовывает им искусная реклама. Но если даже они могут удовлетворить вновь возникшую потребность и приобретают разрекламированный предмет, это не дает им счастья, — разве только на миг. Ибо причина хронической неудовлетворенности лежит, собственно, не в отсутствии каких-либо вещей, а в недостатке внутреннего богатства.

Итак, мы убедились, что отсутствие активных интересов порождает еще одно огромное социальное зло: власть коммерческой рекламы над людскими умами и людской жизнью, и в особенности — над умами и жизнью женской половины рода человеческого.

Но та же самая причина порождает и многие другие язвы современного общества; порождает слабости и пороки миллионов людей; порождает мертвящее чувство бесплодности существования и наше проклятие — хроническую, почти бессознательную неудовлетворенность и скуку, которые темным облаком нависают над миллионами человеческих жизней. Как изменился бы мир, если бы

мы посвящали свои часы досуга какой-нибудь ясной цели, какому-нибудь увлечению! Как изменились бы люди, если б все они горячо, активно интересовались бы *чем-нибудь!*

Активные интересы

До сих пор я писал о том, что каждый человек должен иметь какой-то интерес в жизни. И до сих пор меня можно было понять так, будто разницы между тем или иным увлечением или занятием нет. Я ставил только следующие условия: интересы или занятия, которым человек отдает свой досуг, должны быть позитивными и активными, а не негативными и пассивными; они должны требовать от человека осмысленной, целеустремленной деятельности; должны сопровождаться какими-то усилиями с его стороны (что-то понять, что-то создать), а не даваться ему слишком легко. Вот три моих основных условия!

Не следует, разумеется, думать, что интересы и занятия, которые отвечают этим трем условиям, одинаково ценны будь то для отдельной человеческой личности или для всего человечества. И все же любое из них лучше, много лучше, чем отсутствие всяких интересов. (Не мешает также соблюдать осторожность при определении их относительной ценности — мы всегда готовы поставить свои собственные вкусы на первое место!)

Какое же разнообразие интересов откроется нашим глазам, и все они будут соответствовать поставленным мною основным требованиям!

Тут будет все, начиная с изучения истории» или биологии, или текущей международной политики и кончая выпиливанием по дереву, собиранием марок и постройкой моделей яхт. Можно интересоваться социальными вопросами. Можно принимать активное участие в политической жизни. Можно увлекаться музыкой, но музыку нужно понимать. Пассивное, невнимательное слушание ничего не дает. Еще лучше играть самому, рисовать, заниматься живописью, писать (я включаю сюда даже

частную переписку), принимать участие в любительских спектаклях.

Не надо пренебрегать такими увлечениями», как воспитание детей, садоводство, кулинария, рукоделие или, например, столярничанье.

А чтение — настоящее чтение, когда человек, что бы он ни читал, ставит перед собой двойную цель: понять и запомнить прочитанное. Такое чтение, конечно, не имеет ничего общего с бездумным листанием страниц какого-нибудь «чтива», которое вылетит из головы через неделю... или через день. Так убивают время, только и всего.

Назовем еще общественную деятельность, начиная от участия в общественно-политической жизни и кончая борьбой против жестокого обращения с животными и организацией соревнований по водному спорту.

Можно увлекаться играми: комнатными и на открытом воздухе — при условии, что они потребуют от вас некоторых усилий и умения, а не будут даваться слишком легко. Примкните к какому-нибудь движению, боритесь за идею. Наконец, всегда найдутся горемыки, которых надо выручить в трудную минуту.

Люди с рациональным складом ума предпочтут любому «коньку» науку — особенно те ее отрасли, которыми можно заниматься в повседневной жизни, то есть проводить соответствующие наблюдения, ставить несложные опыты. Я имею в виду психологию, физиологию, изучение законов наследственности, основы геологии, физическую географию, прикладную химию, физику или механику.

Прогулки пешком и в автомобиле сами по себе пустое времяпрепровождение. Но они станут интересными, осмысленными, если их сочетать с изучением жизни растений, жизни животного мира, изучением ландшафта с точки зрения геологии. А сколько могут дать экскурсии по городу! (Как мало мы знаем свои города!) Изучение архитектуры, мысленная перепланировка улиц так, как нам кажется лучше, наблюдение над жизнью окраин, изучение различных групп и типов людей, их быт, способы, которыми они зарабатывают себе на жизнь.

И наконец, споры, обсуждения. Нам надо вести гораздо больше хороших, умных споров по всем вопросам, заслуживающим, чтобы о них спорили. Из всех занятий, которыми человек может заполнить свой досуг, это одно из самых полезных с общественной точки зрения. Оно является существенным фактором цивилизации. При подлинной демократии каждый рядовой гражданин хотел бы иметь и имел бы свое собственное — более или менее обоснованное — суждение по любому вопросу. Он не успокоился бы до тех пор, пока в его распоряжении не оказались бы нужные для этого факты. А когда факты собраны, их надо обсудить, надо проверить собственные мысли на собеседниках, выслушать их возражения, их аргументы, ответить на них и только после этого выработать окончательное суждение или же отказаться от своей точки зрения, если она не выдерживает критики со стороны.

Если мы хотим когда-нибудь иметь подлинную и жизнеспособную демократию, нам нужно возродить у себя одну славную традицию, которая двадцать четыре столетия назад сделала Афины вехой во всей дальнейшей истории человечества. Я говорю о горячих, но всегда разумных спорах, что велись там, о чистой радости, которую находили тогда люди в столкновении и развитии идей. Для тех, кто выработал у себя навык и вкус к этому, нет большего наслаждения, чем принимать участие в оживленных, острых, содержательных спорах и обсуждениях. А в демократическом обществе все темы должны быть открыты для обсуждения!

Страна, в которой все граждане будут жить полной жизнью, то есть заполнят свой досуг позитивными интересами и целеустремленными занятиями (а выбор их велик, в этой главе перечислены далеко не все), — такая страна с полным правом сможет назвать себя цивилизованной. В таком обществе слабости и пороки», о которых я говорил в предыдущих главах, будут иметь место только как исключение.

Но сегодня мы не имеем права считать себя членами цивилизованного общества.

Как же быть?

Поучать людей — бесполезно. Осуждать — и вовсе бессмысленно.

Единственное, что тут можно и должно сделать, это выявить условия, из-за которых столько людей в нашем обществе живет убогой и пустой жизнью, а затем эти условия изменить.

* * *

Прежде чем закончить эту главу, мне бы хотелось упомянуть еще об одном моменте, очень важном для идеального использования свободных часов. Наш досуг должен проходить оживленно, весело. Людям, живущим полноценной жизнью, не свойственна чопорность, напыщенная торжественность и отсутствие юмора. В кругу таких людей никогда не иссякнет веселье.

Афины в дни своей славы доказали миру, что мудрость может обойтись и без напыщенности. Больше того, одно исключает другое. Без юмора нам грозит опасность зазнаться, утратить чувство меры, а с ним и способность трезвого суждения. Без веселья мы превратимся в самодовольных педантов. Без радости, чистой радости существования, нам не сохранить нашу жизнеспособность и духовное здоровье. Если наш досуг будет оживляться весельем, мы только выиграем от этого.

Сначала в семье

Посмотрим, как все это начинается.

Питеру исполнилось два года. Он умненький мальчуган. Как ему интересно живется! Сколько всего можно сделать! Сколько новых мест можно повидать! Его дни полны приключений. Мальчик открывает мир. С утра до вечера он обследует, изучает его, расспрашивает о нем, набирается опыта.

— Что это такое? — спрашивает Питер. — Почему так бывает? А это откуда взялось? Как это сделать? А что там внутри? А кто там спрятался? А почему оно движется? Где? Как? Что? Когда? Почему?

Как все это интересно! Страшно интересно!

Разумная мать интересуется всем вместе с ним. Она не потакает бесцельному задаванию вопросов, но старается всячески поощрить развитие в ребенке здоровой любознательности. Она открывает вместе с ним новые места, делит с ним его опыт, обследует и обсуждает всё, что попадаете ему на глаза, помогает ответить на встающие перед ним вопросы, стараясь, чтобы он сам разобрался, правильны они или нет.

Наблюдать такую мать с двух-, трех-, четырехлетним ребенком — сущая радость. Глядя на него, чувствуешь уверенность, что этот ребенок делает первые шаги по тому пути, который приведет его к полной, богатой, интересной жизни.

Но не все дети такие счастливые, ибо не все матери разумны, не все они интересуются своими ребятами и понимают, что им нужно. Возьмем для примера мать, которая равнодушна к запросам своего ребенка и никак не поощряет его развития. Виной этому бывает иногда недостаток ума и леность или же полное отсутствие интереса к своему ребенку; в любом случае ей нужно лишь одно: чтобы он был тихий и послушный (то есть бессодержательный и вялый) и не требовал к себе особенного внимания.

Детскую любознательность очень легко приглушить. Этот жадный интерес к окружающему миру, эта радость узнавания появляются на первых порах нежным ростком. Что стоит заморозить, сломать его? Как легко отбить у ребенка охоту самому делать вещи, рисовать, рассказывать обо всем, что он видит перед собой! А его первые попытки петь, лазать на деревья, исследовать мир — много ли нужно, чтобы пресечь их в самом же начале? Достаточно одного взгляда, достаточно легкой насмешки, и детской попытке самостоятельного мышления будет положен конец.

«Да», «нет», — рассеянно отвечает ребенку мать на его вполне разумные вопросы. «Сиди смирно и не приставай ко мне», — приказывает она. «Не трогай этого», «Не бегай туда», «Ах, не знаю!», «Какой ты надоедливый!»

И вот к трем годам ребенок уже ограблен: у него отняли первую возможность начать полноценную жизнь. Он сделал первый шаг на пути к убогому, пустому и скучному существованию.

Этой матери, вероятно, никогда не говорили, какое огромное, подчас решающее значение имеет для человека ранняя пора его детства. Такая мать обрекает сына или дочь на умственную апатию, на безучастное отношение к жизни. Но она совершает это преступление исключительно по неведению. В таком случае винить надо общество — вас и меня. Это наша вина, что родители не получают самых элементарных сведений о том, как надо воспитывать детей.

Бывают и такие матери, которые пренебрегают развитием ребенка потому, что им лень это делать или они слишком заняты сами собой. Им «некогда». Но разве на это нужно так уж много времени? Родители часто окружают детей, особенно если это единственный в семье ребенок, слишком большим вниманием. Когда ребенок, о котором я говорил в начале главы, подрастет и станет играть с другими детьми, ему можно будет давать все необходимые наставления и советы пять-шесть раз в день, уделяя для каждого раза не больше пяти-десяти минут. Если в семье несколько детей, на это потребуется немногим больше времени.

Надо отметить, что, по мере того как ребенок растет, родители должны все реже и реже оказывать ему прямую помощь. Важно дать правильное направление его развитию — разжечь детское любопытство, указать, как надо отыскивать ответы на интересующие его вопросы; возбудить и поддержать в нем желание сделать что-нибудь своими руками и, может быть, помочь ему полезным советом. Но в дальнейшем ребенка надо предоставить самому себе — пусть пробует, ошибается, снова пробует, снова ошибается (если понадобится, подбодрите его), пробует еще раз и, наконец, добивается своего.

Не надо слишком опекать ребенка, вечно ему помогать или даже подбадривать — иначе ему будет трудно обходиться без всего этого потом. Детей, которые и шагу не могут ступить без матери, гораздо больше, чем детей

заброшенных. Вот почему так ценен институт детских садов; опытная руководительница никогда не станет уделять слишком много внимания отдельному ребенку.

Еще одно важное обстоятельство. Разумные родители, которые правильно направляют ребенка в самом начале жизненного пути, никогда его не захваливают. Он не должен слышать похвал самому себе — хвалят его достижения (а это далеко не одно и то же!). Родители не станут говорить ему: «Какой ты умный мальчик!» Нет. Он услышит: «Какую ты интересную вещь придумал!», или: «Какой замечательный дом ты построил!» За этим элементарным правилом кроется психологический принцип, который оправдывает себя практически в дальнейшем. Если ребенка с раннего детства приучили сосредоточивать все внимание на самом себе, трудно надеяться, что взрослым он станет особенно интересоваться внешним миром и вести активную, осмысленную жизнь.

Тем не менее, ничто так не способствует воспитанию разносторонней, активно мыслящей личности, как детство, проведенное в «хорошей семье». Семьи бывают хорошие и плохие. Что же мы имеем в виду, когда говорим о «хорошей семье»?

Лично я имею в виду семью, в которой любят умную, живую беседу. Я имею в виду такую семью, в которой родители интересуются не только своей жизнью и жизнью соседей. Я имею в виду семью, где ведутся оживленные споры на любые темы, жаркие споры, в которых участие детей всячески поощряется. Я имею в виду семью, где с увлечением обсуждают политические новости, прочитанные книги, радиобеседы, музыку, фильмы, людей, семейные события и где родители и дети на равных правах принимают участие в беседах и спорах.

Разумеется, хорошая семья держится не только на этом, но перечисленные мною факторы имеют огромное значение. У ребенка, вышедшего из такой семьи, есть все шансы стать критически мыслящим человеком с деятельным умом, жизнь которого будет насыщена серьезными интересами.

К этому вопросу мы еще вернемся в одной из дальнейших глав.

Потом в школе

Теперь поговорим о школе.

Школы бывают разные — плохие и хорошие. То же самое можно сказать и о педагогах. На этом втором этапе становления человеческой личности многое зависит от того, к какому педагогу ребенок попадет — к хорошему или плохому; и тут ему приходится рассчитывать лишь на удачу.

Хорошие педагоги у нас, слава богу, есть, особенно в младших классах — там теперь довольно много прекрасных преподавателей, по-настоящему интересующихся ребенком и умело помогающих его развитию. Можно только порадоваться за детей, на долю которых выпала двойная удача: хорошая семья и хорошие педагоги. Но даже если семья накладывает на ребенка дурной отпечаток, педагог, пользующийся влиянием у своих воспитанников, может еще выправить его и помочь ему снова выйти на верную дорогу.

К сожалению, наряду с хорошими, у нас есть и плохие педагоги. Есть такие, которых дети боятся и ненавидят. Некоторые просто тянут лямку исключительно ради заработка. Многих и близко нельзя было бы подпускать к школе, потому что это убийцы — убийцы детской любознательности. Они убивают в ребенке всякий интерес к тому, что ему преподается в школе. Никакими другими достижениями такие педагоги, к сожалению, похвастаться не могут.

Впрочем, нельзя винить во всем одних учителей. Часть ответственности ложится и на нас за то, что мы даем им такие переполненные классы. Если учеников в классе слишком много, педагог поневоле применяет метод массового обучения, массовой дисциплины. Наши учителя чаще всего выступают в роли массовых инструкторов или муштровщиков, а от таких методов массового обучения отказались теперь даже в армии. Из всего сказанного, я думаю, ясно, что, если мы хотим дать своим детям подлинное образование, необходимо значительно уменьшить число учеников в классе.

При обсуждении нашей общеобразовательной системы следует отдавать себе ясный отчет в следующем: помимо некоторых разделов учебной программы, которые требуют заучивания наизусть, ребенок должен вынести из школы навыки к ясному мышлению, умение понятно и точно излагать свои мысли и тягу к знаниям. Пробудить в нем интерес к предмету, непрестанно возбуждать в нем жажду все узнать, во всем разобраться, научить его мыслить критически и творчески, дать ему почувствовать ту радость, которую приносит человеку умственная деятельность, заставить его самостоятельно додумывать, выражать словами и обсуждать встающие перед ним вопросы — вот *основная задача педагога*.

Мы ждем от хорошего преподавателя не только «преподавания» того или иного предмета. Развитию активно мыслящего, плодотворного ума в гораздо большей степени будет содействовать такой педагог, который способен *заразить* ученика своим рвением, своим горячим интересом к преподаваемому предмету. Только такое обучение и даст прочный результат. Только такое обучение и может вселить в нас надежду, что, окончив школу, юноши и девушки будут и в дальнейшей своей жизни *стремиться вперед*.

О школах — и в той же степени об университетах — надо судить по результатам их деятельности. Но эти результаты измеряются не тем, могут ли учащиеся хорошо сдать экзамены сразу по окончании курса. Я говорю о другом мерило: сколько из пройденного остается у них в голове? Продолжает ли бывший школьник или студент попрежнему интересоваться тем или иным предметом? Углубил ли он свои знания? Чувствует ли он на себе влияние школы, университета — десять, двадцать, тридцать лет спустя?

То, что скоро забывается, по-моему, не стоило и учить.

Если вы согласитесь с этим положением, то вам станет ясно, что большая часть теперешней школьной программы преподается впустую. Это даром потраченное время, ибо у взрослого человека почти ничего не остается в памяти от пройденного в школе. Так же бессмысленно ведется и преподавание в университетах, ибо мы видим, что многие

студенты, «сдав» предмет, совершенно перестают интересоваться им и скоро забывают его, испытывая при этом только чувство облегчения. Через десять-двадцать лет окажется, что они за это время ничем не обогатили свой ум, не развили своих мыслительных способностей, хотя и кончили университет. С пользой для себя проходит университетский курс относительно небольшое число людей, это те, чей активный интерес к знанию не угасает.

Разрешите мне высказать свою мысль другими словами. Она настолько существенна, что ее стоит повторить. Мысль эта заключается в следующем: образование — это еще не сама жизнь, это только подготовка к ней. И с этой — только с этой точки зрения надо оценивать деятельность школ и университетов. Они должны способствовать накоплению необходимых знаний, умственных сил, развитию рационального, творческого метода мышления, — так, чтобы этот метод вошел в привычку и стал второй натурой, — выработке собственных критериев и зарождению глубоких, активных интересов, которые будут сопутствовать человеку всю жизнь.

Хороший педагог тот, кто помогает своим ученикам получить такое образование. Хорошей мы назовем ту школу, где такое образование дают. Вот мерило успеха в этом деле. (Я имею в виду общеобразовательные школы, а не ремесленно-технические.)

Если подходить с таким мерилom к нашим государственным и частным учебным заведениям, то выяснится, что деятельность большинства из них пока что отнюдь не увенчалась успехом. Наша общеобразовательная система лучше, чем она была тридцать лет назад, гораздо лучше, чем шестьдесят лет назад. Тем не менее, ее надо еще совершенствовать и совершенствовать, прежде чем она будет удовлетворять этим требованиям хотя бы на 20—25 процентов. Если вы сомневаетесь в этом, обратите внимание на то «что», которым питаются взрослые люди, прислушайтесь к их повседневным разговорам, учтите отсутствие у них самых элементарных знаний, неспособность толково, рационально мыслить, а главное, учтите тот факт, что у большинства людей нет активных интересов, которыми они могли бы жить; такие люди

поневоле будут искать пассивных, отрицательных способов проводить свой досуг, лишь бы как-нибудь «убить время».

* * *

Вот какие основные цели должна, по-моему, ставить перед собой школа:

1. Воспитывать здоровых людей, с активным, подвижным и развитым умом; людей с сильным характером и ярко выраженной, своеобразной индивидуальностью.

2. Показать молодежи пути к счастью, которые соответствовали бы пункту 1; выпустить ее из стен школы с уже выработанными интеллектуальными запросами и эстетическими вкусами, помочь ей пристраститься к чему-нибудь или указать ей другой способ активно, плодотворно проводить часы досуга.

3. Воспитывать образованных, всем интересующихся, умственно развитых граждан, способных принять активное участие в жизни демократической нации.

4. Подготовить юношей и девушек к тому, чтобы они могли стать хорошими родителями и разумно воспитывать своих детей.

Для этого, как мне думается, и должна существовать школа.

Вред раннего наемного труда

До войны лишь половина австралийских школьников обоего пола могла продолжать занятия после 14 лет, а после 15 оставалось в школе — мальчиков меньше одной Трети, девочек меньше четверти.

Теперь возрастной уровень школьника повышается. Но даже в послевоенные годы две трети австралийских детей будут покидать школу в 15 лет. Что же их ждет в дальнейшем?

Разрешите мне рассказать вам одну коротенькую, очень простую и правдивую историю. Это история молодого

австралийца, типичная для сотен тысяч его сверстников. Услышав ее, вы узнаете о тяжком преступлении, совершаемом не отдельным человеком против общества, а самим обществом против сотен тысяч австралийских юношей и девушек.

Он оставил школу в 15 лет и поступил на фабрику. Там он пробыл пять лет на несложной, чисто механической работе. Когда ему исполнилось двадцать, его рассчитали и на освободившееся место фирма опять поставила подростка, которому можно было платить меньше.

В 20 лет он знает столько же, сколько знал в 15. Даже меньше, потому что поверхностные сведения, полученные в школе, давно выветрились у него из памяти. Следовательно, степень его образованности к 20 годам ниже, чем у пятнадцатилетнего мальчика.

Его интеллектуальный уровень и умственные способности также снизились. Иначе не могло и быть. Попробуйте представить себя на его месте. Пять долгих лет; работа всё та же: простейшая операция, никаких изменений, никакого разнообразия. Заинтересоваться ею нельзя, напряжения умственных способностей она не требует. Монотонность! Иссущающая душу и мозг монотонность!

Он подает металлические болванки в автоматический штамповальный станок, или обматывает проволокой катушки, или упаковывает мелкие детали, или сваривает какие-нибудь бесконечные швы, или завинчивает бесконечное количество гаек, или... да мало ли на какую нехитрую операцию ставят молодого рабочего и работницу. Мертвящая, притупляющая мозг монотонность! Следует ли удивляться, если после четырех-пяти лет такой работы, совершенно неинтересной и не требующей никакого умственного напряжения, последняя живая искорка интеллекта, которая, может статься, была у этого подростка, угаснет без следа.

Но вернемся к нашему рассказу. К 20 годам наш юноша вырос, окреп, — это уже не пятнадцатилетний мальчик. Он достиг зрелости (только физической). В умственном отношении, как я уже говорил, он превратился в существо отсталое, тупое. Итак, когда ему исполняется 20 лет или около этого, его увольняют и заменяют

более дешевой рабочей силой — пятнадцати-шестнадцати-летним подростком. Он уже почти достиг того возраста, когда ему надо платить как взрослому, а его использовали, выжали из него все, что можно, и теперь выбрасывают на улицу. С ним покончено.

В таком циничном отношении к человеческой жизни повинна не только фабрично-заводская промышленность. Не меньшее зло приносит оптовая и розничная торговля. Сельское хозяйство и особенно молочные фермы тоже по мере сил и возможностей коверкают человеческий материал, используя труд подростков. Да по сути дела почти всякая работа, на которую у нас ставят несложившуюся молодежь (я не говорю об ученичестве), губительно отражается на ее развитии.

Некоторые считают, будто бы, попав со школьной скамьи на работу, юноша узнаёт «жизнь». Но что ему дает такое знакомство с жизнью? Он поступает на фабрику и проводит несколько лет за монотонной, иссушающей мозг работой, вроде той, о которой здесь говорилось. Или же он становится курьером, рассыльным, продает газеты. Половину времени он болтается без дела, а остальные часы уходит у него на работу, из которой ничего полезного не вынесешь. Единственное, чему он может научиться, это искусству уваливать от трудных обязанностей, бездельничать с видом человека занятого, выполнять поручения кое-как, думая о посторонних вещах, и «соблюдать свои интересы», то есть давать как можно меньше, а получать как можно больше. Пятнадцатидвадцатилетнему юноше, занятому неинтересным трудом, грозит опасность приобрести дурные навыки, которые испортят его, как работника, на всю жизнь. У несчастного, изнывающего от скуки паренька вырабатывается привычка погружаться в состояние умственной протрации во время работы или уходить в нездоровые мечтания и неотступно думать о кинофильмах, девушках, скачках, собачьих бегах. Думать о чем угодно, только не о работе, которая настолько неинтересна, что о ней и думать не хочется.

Теперь разрешите спросить, *почему* на такой работе заняты юноши и девушки, а не взрослые мужчины и

женщины? Ответ может быть только один: потому что их труд дешевле.

Работодатели дружно, в один голос, протестуют против такого утверждения. Нет, нет, и нет! Они берут юношей и девушек совсем не потому, что гонятся за дешевизной. Бог с вами! Просто это такой род работы, на который ставят подростков. Другими словами, там не требуется ни особенной силы, ни квалификации, ни опыта — следовательно, такую работу могут выполнять юноши и девушки.

Да, юноши и девушки могут ее выполнять. Но почему же все-таки работодатели предпочитают труд подростков? Ответим за них сами: потому что он дешевле. Если юноша справляется с работой, то взрослый и подавно с ней справится. Но взрослый не пойдет на то жалованье, которое платят подростку. Значит, все дело в прибыли. Факт тот, что многие крупные предприятия и многие крупные дельцы, вкупе с акционерами, обязаны своими капиталами весьма прибыльной эксплуатации дешевого труда подростков. «В двадцать лет — за ворота!» — таков лозунг многих предприятий, и на его основе выросли богатства многих «удачливых» промышленников и коммерсантов — добрых христиан, видных общественных деятелей, почетных граждан, столпов общества, а по существу безжалостных губителей драгоценного человеческого материала!

Можно с презрением отбросить и другой излюбленный довод, которым оправдывают применение труда подростков, а именно: взрослый мужчина не пойдет на такую простую работу, не станет корпеть над одним и тем же процессом изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц... Для него она недостаточно интересна, он не вынесет такой монотонности. «Взрослого на такую работу не заманишь».

Поразительный довод! Неужели нас всерьез хотят убедить, что юноши и девушки легче переносят монотонность, чем взрослые? Что юноши и девушки, полные неистраченных сил и жизнерадостности, страдают меньше, чем взрослые, когда их заставляют делать скучную, однообразную работу.

Кому, как не молодежи, требуется интересное и не

слишком легкое занятие? Когда, как не в молодости, нужно поставить человека на такое дело, которое способствует приобретению хороших навыков — сосредоточенности, настойчивости, изобретательности, умственной дисциплины, чувства личной ответственности. И приговаривать живую, полную сил молодежь к долгим годам нудного труда — значит множить в недалеком будущем число взрослых с ленивым интеллектом, ничем не интересующихся, не сознающих своего долга перед обществом.

Если чисто механическая работа скучна взрослому, то подросток от нее и вовсе отупеет. И поэтому я утверждаю: лишать юношей и девушек школы, убивать в них живость, угнетать их ум и характер нудной работой, подавлять присущий каждому молодому человеку дух здоровой предприимчивости, иссушать молодую восторженность, губить молодые мечты ради тех прибылей, которые приносит их труд, — это преступление, которого простить нельзя.

Наркотики

До сих пор мы выясняли, что способствует и что мешает развитию активно мыслящих, живущих полной жизнью людей. Кто станет отрицать, что в нашей стране, в наше время всё препятствует этому? Какое ничтожное количество пытливых, одаренных детей оправдывает возлагаемые на них надежды! Какое ничтожное количество взрослых живет такой же полноценной жизнью, как в детстве!

Тут-то мы и подходим к вопросу о «духовных наркотиках».

Те, кто не утерял свежести ума в детские годы и в юности, теперь становятся предметом вожделений распространителей всяческих наркотиков; они приучают взрослого человека к пассивному времяпрепровождению, к восприятию готовых идей, убеждают отдаться на волю поставщиков «легких развлечений». Те, у кого мозг притупился еще в детстве и юности, с радостью кидаются в объятия дельцов, снабжающих свои жертвы готовыми

идеями и бездумными развлечениями. Но «духовные наркотики» могут развратить даже человека с деятельным умом, с активными интересами, если он не остережется во-время.

Кто же они, эти поставщики «духовных наркотиков»? Какими наркотиками они торгуют?

Кино

Самый ходкий вид духовного наркотика — это кино.

Я ни одной минуты не думаю, что все кинофильмы можно причислить к разряду духовных наркотиков, что посещение кино всегда приносит вред, что оно по самой сути своей должно отравлять сознание. Есть фильмы, которые обогащают зрителя и стимулируют его умственную деятельность. Такие фильмы есть.

Вопрос заключается в следующем: как человек смотрит кинокартину? Способен ли он (или она) задуматься над ней? Происходит ли в его сознании какой-нибудь активный процесс? Может быть, он сравнивает, ведут ли себя люди так и в действительной жизни, или оценивает правдоподобность сюжета, убедительность хода событий, отмечает и запоминает отдельные кадры, детали актерского исполнения, особенности постановки, типаж, размышляет о жизни, о быте героев, критически оценивает те приемы, при помощи которых режиссер воздействует на зрителей и поддерживает в них интерес к фильму?

Разумеется, помимо удовольствия, которое дает такое осмысление картины, зритель одновременно наслаждается и ее художественностью, юмором, драматичностью. Глядя на экран, он может смеяться, испытывать удивление, настораживаться, облегченно вздыхать — одним словом, не только думать, но и предаваться эмоциям. Все это я веду вот к чему: фильм только тогда становится достоянием зрителя, когда этот зритель или зрительница активно реагируют на него, а не просто позволяют развлекать их ум и играть на их эмоциях. Одного пассивного восприятия мало. Для того, чтобы правильно оценить восприятие зрителя, важно знать, обсуждает

ли он фильм, выйдя из кинотеатра, и если обсуждает, то как.

Большинству из нас вечер, проведенный в кино, ничего этого не дает. Да продюсер-коммерсант и не ставит перед собой таких задач. Наоборот, то, что он предлагает вниманию зрителей, это чаще всего и прежде всего духовный наркотик. Его товар — это преимущественно развлечение для пустого, пассивного ума.

И судя по всему, большинство зрителей — из тех, что часто ходят в кино, а значит, лучшие его клиенты — ничего другого и не требует. Голливудские режиссеры, как правило, угождают вкусам наименее развитой, наименее сознательной части зрителей — то есть пятидесяти процентам нашего общества. Поэтому они так упрощают героев своих фильмов, так разжевывают ситуации, не оставляя никакого простора воображению, что в них с легкостью разбираются даже самые примитивные умы. Рядовой голливудский фильм не предъявляет к зрителю никаких — ровным счетом никаких — требований! Посетителю или посетительнице кинотеатра нечего добавить к тому, что делается на экране. Каждая ситуация обыгрывается до предела и подается готовой, с выводами и моралью. От зрителя требуется лишь одно: чтобы он сидел в кресле и отдавался во власть тех, кто его развлекает.

Но даже такое времяпрепровождение может быть весьма приятным и совершенно безобидным, если к нему прибегать изредка, с тем, чтобы дать отдых голове. Я вовсе не хочу сказать, что полный отдых, временное прекращение работы интеллекта приносит вред. В виде исключения это даже хорошо.

Но что действительно плохо — если не относиться с безразличием к состоянию, в котором находится наше общество, к судьбам нашей цивилизации и к культурному уровню в нашей стране, — так это то, что огромное число людей потребляет подобный наркотик, и в каких дозах! Сколько людей убивает драгоценные свободные часы на такое пустое занятие! Они еженедельно ходят в кино и погружаются там в уготованные для них бездумные, нездоровые мечтания — продукт массового кинопроизводства. Сознание их одурманено, и всякое умственное

усилие становится им всё больше и больше в тягость. Сознание их притуплено, и они всё больше и больше утрачивают интерес ко всему, что требует деятельной работы ума. Они лишаются способности и вкуса к самостоятельному мышлению и уже не могут жить настоящей жизнью. Их интеллект теряет упругость и начинает гнить.

Характер такого человека тоже теряет упругость. Прискорбное зрелище! Внутренняя нищета заставляет людей искать счастья, отрады и вдохновения в мире бутафории. Прискорбное, и вместе с тем страшное! Ведь эта слабость ведет к тому, что люди сидят и ждут, когда их развлекут, заинтересуют чем-нибудь! Ведь они живут отраженной жизнью, живут за чужой счет! Что сказать о тех, кто проводит часть своего досуга — и, может быть, большую часть — за чтением макулатуры: пошлых романов и детективной белиберды, или по нескольку раз в неделю одурманивает себя суррогатом жизни, которую показывают на экранах кинотеатров? Такие люди уходят от действительности, прячутся от нее, стараются забыть о ней. Они теряют власть над реальной жизнью, и сами ускользают из-под ее власти. Их ум, характер мало-помалу слабеют. Они уже неспособны жить настоящей жизнью.

Говоря о кино, нельзя упускать из виду еще одно важное обстоятельство. Вкусы, предрассудки, взгляды, критерии, идеалы, надежды и чаяния — все это постепенно складывается и постепенно меняется в стране в зависимости от той духовной пищи, которую получает народ. Кинофильмы, радио, газета, развлекательное чтение — вот что в наше время служит основной духовной пищей широких народных масс. Человеческий ум и характер обычно развиваются в том или ином направлении соответственно получаемой пище. Так в наши дни Голливуд формирует вкусы, моральный кодекс, мерила общественных ценностей, виды развлечений, все основные эмоции большей части нашего народа.

И тут возникает один серьезный вопрос. Киностудии и акционерные общества, владельцы сети кинотеатров, озабочены, конечно, лишь одним: как можно больше заработать. Для них это прибыльное дело, и только.

В мире торгашеской цивилизации лишь этим соображением и руководствуются. «Пустить этот товар в продажу? А сколько он принесет барышей?» Если особенного куша не предвидится, то как бы ни был полезен этот товар, как бы он ни способствовал счастью и благополучию народа, никто его не увидит. Напротив, если какой-нибудь коммерсант рассчитывает на крупную прибыль (для себя или для своих акционеров), тогда — независимо от качеств и свойств данного товара, независимо от того, как он отразится на здоровье потребителя, на его духовной жизни, характере, на его благополучии, настоящем и будущем, независимо от интересов страны в целом и наперекор всем прочим соображениям — этот товар будет во что бы то ни стало выпущен на рынок и все усилия будут приложены к тому, чтобы его продать, и продать в возможно большем количестве.

Следовательно, вопрос стоит так: если кино действительно оказывает такое огромное влияние на людские умы, на их мораль, общественно-политические взгляды; гражданские чувства, личные стремления, отношение к жизни, предрассудки и вкусы, если так много зависит от характера выпускаемых на экран фильмов, то вправе ли мы отдавать его на откуп коммерсантам, которые руководствуются в своей деятельности только соображениями выгоды?

Если мне скажут, что мечтающий о наживе коммерсант ставит себе целью «выполнить заказ публики», я таким ответом не удовлетворюсь. «Заказ публики» не возникает сам собой, его внушает реклама. Пусть даже вкус к определенному роду фильмов со временем прочно укоренится, факт остается фактом: это вкус благоприобретенный, потребность, которая была искусственно привита и вошла в привычку. Низкопробные голливудские фильмы за несколько лет могут так испортить вкусы публики, так одурманить ее сознание, что она уже не будет способна воспринимать что-нибудь лучшее. А ведь если бы в течение тех же лет выпускать на экран хорошие фильмы, как это могло бы облагородить вкус любителей кино, как стимулировало бы их умственную деятельность! Низкопробная, притупляющая сознание кинопродукция, столь

популярная в наши дни, показалась бы всем безнадежно скучной.

Можем ли мы пренебрегать благом общества, нуждами подлинной цивилизации и предоставить решать такие вопросы людям, руководствующимся исключительно соображениями личной наживы?

Радио

Многое из того, что было сказано о кинофильмах, можно в равной мере отнести и к радио. Восприятие слушателя может быть активным или пассивным, позитивным или негативным, формой реальной жизни или формой духовной наркомании, пустым времяпрепровождением, трусливым бегством от действительности. Все зависит от характера радиопередачи, а также от отношения к ней слушателя. Так же как и в примере с кино, многое зависит от того, в каких дозах воспринимается этот вид развлечения.

Займемся сначала радиобеседами: под этим термином мы понимаем всю разговорную часть программы, за исключением драматических произведений. Как правило, хорошие радиобеседы могут принести реальную пользу, особенно, если слушатели воспринимают их критически и тотчас же по окончании передачи подвергают хотя бы краткому обсуждению. Разумеется, бывают хорошие и плохие беседы, но и те, и другие имеют одно достоинство: они короткие, слушателю легко составить себе суждение о них, а если передачу слушают двое или больше активно мыслящих людей, — то и тотчас же обменяться мнениями.

В отличие от печатной литературы или докладов и лекций, читаемых в открытых аудиториях, радио позволяет слушателям немедленно же вслух реагировать на радиопередачу, хотя бы при помощи вопросов, критических или одобрительных замечаний. Это возможно даже в том случае, если слушатель один в комнате. Радиобеседа больше чем какая-либо другая форма общения вызывает

немедленный «отклик», а то, что оратор его не слышит, не имеет никакого значения. Важно то, что слушатель может слушать активно, так или иначе реагировать, вместо того чтобы пассивно принимать или поглощать всё, что ему преподносят.

К сожалению, далеко не все радиобеседы достигают этой цели. Мягко выражаясь, не все они даже рассчитаны на то, чтобы вызвать у слушателя какие-нибудь мысли или чувства. Проверим это на типичных радиопроповедях, комментариях к последним известиям и» беседах на общие темы. Но прежде, чем приступить к этой проверке, я хотел бы предложить некоторые принципы, исходя из которых можно судить о ценности любой разговорной радиопередачи.

Радиобеседа хороша, если она сообщает новые факты или по-новому их освещает; если она пробуждает в слушателе активный интерес к данному предмету, вызывает желание подумать, почитать, расспросить о нем, обсудить его; если заставляет вас критически рассмотреть и продумать утверждения или аргументы, которые вы слышите. Радиобеседа хороша, если обогащает жизнь слушателя тем, что заостряет и углубляет его восприятие, его способность оценить мастерство или красоту, обращая его внимание на те черты, которых он до сих пор не замечал.

Радиобеседа плоха, если ее цель — заставить слушателя воспринять услышанное без должной критической оценки; если она предназначена для того, чтобы слушатель почти бессознательно впитывал в себя определенные взгляды или эмоции; если она строится на догматических утверждениях, на осторожных, завуалированных уговорах, или, наоборот, на назойливом повторении хлестких фраз, или на любом из разнообразных трюков, которыми пользуются для крикливой или замаскированной рекламы и пропаганды; такая радиобеседа рассчитана на то, что внушаемые ею мысли проникнут в сознание слушателя, так сказать, «с черного хода», минуя все вопросы и сомнения разума.

Если читатель согласен с этими принципами, я предлагаю ему самому составить мнение о наших радио-

передачах, приложив мой критерий к наиболее типичным видам радиовещания:

Дискуссии	Комментарии к известиям
Проповеди	Музыкальные беседы
Вопросы и ответы	Политические беседы
Известия	Научные беседы
Реклама	Беседы о путешествиях

Для того, чтобы радиобеседы оказали благотворное действие на слушателей, очень важно, чтобы затрагиваемые в них вопросы не освещались односторонне. Если руководители радиовещания разрешают одностороннюю пропаганду, — будь то политическая, религиозная или коммерческая, — они превращаются в торговцев наркотиками, отравляющих и одурманивающих своих слушателей вместо того, чтобы будить и развивать их ум. Когда радио используется с такой целью, то есть, когда слушателю навязывают определенную точку зрения или заставляют его проглатывать определенные идеи и чувства, не давая ему подвергнуть их самостоятельной критике, — тогда радио может стать мощным фактором развращения общественного сознания, снижения уровня активного мышления в данном коллективе.

В отдельных случаях такое обвинение может быть предъявлено и Австралийской радиовещательной корпорации. Что касается коммерческих радиостанций, то ведь реклама и пропаганда — *единственная цель* коммерческого радиовещания; его основное назначение — внушить слушателям определенные мысли, чувства и желания и заставить воспринять их без всякой критической оценки. Вся остальная часть обширной программы коммерческих радиостанций не что иное, как приманка, пускаемая в ход, чтобы заставить прослушать пропаганду и рекламу.

На это обстоятельство следует обратить особенное внимание. Программа любой коммерческой радиостанции, независимо от качества, — это просто приманка, рассчитанная на то, чтобы поймать слушателя «на удочку» рекламы и пропаганды. А чьим интересам должны служить идеи, внушаемые слушателям и почти бессознательно

воспринимаемые ими? Интересам владельцев станций. Это именно те идеи, которые владельцы радиостанций хотят внушить слушателям по своим личным мотивам, или такие идеи и желания, которые служат коммерческим интересам рекламодателей и всех тех, кто платит владельцам радиостанций за использование радиовещания как орудия воздействия на слушателей. Не о благе Слушателей, а лишь о своих прибылях пекутся владельцы радиостанций и рекламодатели.

Что касается музыкальных радиопередач, то для того, чтобы оценить их пользу как занятия в часы досуга, как Средства обогащения жизни, надо прежде всего определить то значение, которое мы придаем музыке вообще. И здесь опять-таки очень важно установить, воспринимает ли слушатель музыкальную программу чисто негативно, чисто пассивно, или же она в какой-то мере будит в нем сознательное внимание и целеустремленную умственную активность. Слышит ли он только музыку, или слушает ее, чувствует, оценивает, запоминает? Является ли для него музыка формой подлинной жизни, обогащает ли она эту подлинную жизнь — зависит от того, что происходит в сознании слушателя.

Разумеется, говоря о музыке, не следует забывать, что существуют разные виды и категории музыкальных произведений. Я не хотел бы проявлять особый догматизм в этом вопросе, но мне кажется, что, слушая симфонию или увертюру Бетховена, концерт Чайковского, вальс Штрауса, марсельезу или ирландскую народную песню, испытываешь чувства глубокие и тонкие, чего никак нельзя сказать о последней новинке джаза «Визг Бедлама».

Я уже упоминал о том, что негативное или пассивное слушание радио это одно дело, а позитивное — другое. Но большинство людей, включив радио, слушают его только краем уха; они в сущности даже не слышат его. Беседы, драматические сцены, рекламы и объявления, ноктюрны, джазовые номера, изящные менуэты, бравурные марши, чувствительные романсы, псалмы, молитвы, проповеди, комические куплеты, симфонии... Радио включено, в комнате находятся люди, но они читают, разгова-

ривают, шьют на швейной машинке, намечают своих фаворитов на предстоящих скачках, играют в карты, корпят над домашними уроками, обедают, — короче говоря, делают все, что угодно, но только не слушают радио. До их сознания, и то лишь смутно, доходят одни обрывки, разрозненные фрагменты, случайные и бессвязные клочки музыки, бесед, песен. А бывает, что они не воспринимают даже и этих обрывков; они не замечают радио так же, как не замечают тиканья часов, на которое обращаешь внимание только, когда часы останавливаются.

Не может быть ни малейшего сомнения, что при таких условиях радио оказывает дурное влияние: оно притупляет остроту восприятия; оно развивает у слушателя такой склад ума, при котором внимание, наподобие кузнечика, постоянно перескакивает с предмета на предмет, бесцельно мечется из стороны в сторону; в конце концов такой слушатель утрачивает способность последовательно и целеустремленно мыслить. Его ум требует, чтобы каждая свободная минута была заполнена шумами и звуками, лишь бы не сознать собственную пустоту, убожество и скуку.

С другой стороны, — в области музыки, например, — цивилизация многим обязана радио. Радиовещание уже сделало немало для воспитания более тонкого и разборчивого музыкального вкуса у растущего, но все еще небольшого числа слушателей, что дает им возможность лучше понимать и наслаждаться музыкой. К несчастью, это несомненное достижение радио почти сводится на нет оттого, что оно соперничает с кино и прессой, стараясь угождать вкусам людей эстетически и интеллектуально недоразвитых.

Все зло в том, что в большинстве случаев коммерческому радиовещанию, так же как и коммерческому кино и коммерческой прессе, чрезвычайно выгодно потворствовать самым низменным и грубым вкусам публики. А поскольку единственная цель владельца коммерческой радиостанции — нажива, то он отнюдь не заинтересован в том, чтобы прививать своим слушателям хороший вкус — в музыке или в чем-либо другом. Напротив, с точки зрения коммерсанта, рекламирующего определен-

ный сорт товара, чем ниже уровень эстетических и интеллектуальных запросов слушателя, тем больше у него шансов всучить потребителю мыло своей марки, или крем для лица, или пудру, продажная цена которой в тридцать раз превышает ее стоимость; или патентованное лекарство, три пенса за пузырек, хотя содержимое его (подкрашенный сироп) фактически и пенса не стоит; или аляповатый буфет, словом, любую дребедень, которую он хочет продать. Чем невежественнее и глупее слушатель, чем меньше у него подлинного вкуса, тем легче рекламода-телю обмануть его и заставить покупать внешне заманчивый, но по существу недоброкачественный товар.

Таким образом, многие коммерческие фирмы матери-ально заинтересованы в том, чтобы радиослушатели и впредь оставались невеждами, и поэтому всячески по-вторствуют самым грубым вкусам; ведь их доходы по-страдают, если потребитель станет более сведущим, разборчивым и умственно развитым. Этим отчасти объ-ясняется характер передач многих коммерческих радио-станций. Но и Австралийская радиовещательная корпо-рация слишком часто в последнее время опускается до этого уровня и весьма неудачно конкурирует с коммер-ческим радиовещанием, гоняясь за симпатиями «скудо-умных»; будем надеяться, что это лишь временное заблуждение.

Газеты

Для подавляющего большинства людей чтение газе-ты — всего-навсего только праздное времяпрепровожде-ние, средство как-то заполнить свободные полчаса без затраты особых усилий. Ведь это все же какое-то «дело»; есть чем «занять ум» за завтраком и ужином, в автобусе, в трамвае, поезде, или вечером, когда после окончания дневных трудов можно, наконец, усесться в кресло и вы-тянуть ноги.

Я убежден, что это можно сказать об огромном боль-шинстве читателей газет, и мне кажется, что множество заурядных людей, как правило, не относятся серьезно

к своей газете, а читают ее, не думая и даже мало вникая в ее содержание. Для таких людей ежедневная и еженедельная пресса не что иное, как своего рода наркотик. Она служит им только для развлечения, нисколько не волнует их и ни в какой мере не стимулирует активное мышление. Напротив, это один из самых легких способов провести время, не думая.

Если кто-либо усомнится в правильности моих суждений или найдет, что я преувеличиваю, пусть он последует моему примеру и понаблюдает за людьми, читающими газету, а потом удостоверится, многое ли они запомнили из того, что прочли.

Я проделывал этот опыт десятки раз и убедился, что уже через полчаса после прочтения газеты большинство людей сохраняет лишь самое смутное воспоминание об одной или двух заметках, все же остальное безвозвратно испаряется из памяти, не оставив даже следа!

Конечно, если газету читает человек, в чем-нибудь лично заинтересованный, например, если он поставил на «Черепahu», или если он «болельщик» какой-нибудь футбольной команды, или если он придерживается антиправительственных, антикоммунистических, антибританских или антирабочих взглядов, и в газете попадает какая-нибудь сочная заметка (правдивая или лживая), на которой можно сыграть и доказать свою правоту, тогда из всего содержания газеты он, может быть, запомнит эти несколько строк.

Я убежден, что это относится к значительному большинству людей, читающих ежедневные и еженедельные газеты. Но среди читателей есть меньшинство, которое хочет большего: некоторые люди проявляют подлинный интерес к событиям местного, национального, международного масштаба. Они хотят знать правду о значительных фактах, событиях, явлениях. Поэтому они читают свою газету сознательно, пытаясь отсеять зерна вероятной истины от хаотической массы слухов, догадок, фальсификаций, искажений и преувеличений, заполняющих столбцы чуть ли не всей еженедельной и ежедневной прессы. Но это почти безнадежная задача. Как может даже самый вдумчивый читатель уловить истину, если

газеты находятся под частным контролем и частной цензурой и изымают (или по меньшей мере затушевывают) любую информацию, противоречащую интересам владельца газеты или рекламодателя?

Я позволю себе процитировать слова одного маститого журналиста:

«Общественное мнение почти лишено возможности выносить какой-либо приговор на основании достоверных фактов. В наше время газеты пользуются фактами лишь как сырьем для пропаганды. При помощи произвольного отбора, обработки, изъятия и раздувания фактов, путем искажения перспективы или при посредстве сенсационных заголовков и редакционных комментариев сообщаемые «известия» преподносятся таким образом, чтобы внушить читателю именно ту определенную идею, которая желательна владельцу газеты».-

Мне могут возразить, что это не играет особой роли, поскольку почти все материалы, публикуемые в газете, — правдивые, полуправдивые или лживые — так быстро забываются. Но такой вывод был бы опрометчив. Действительно, подавляющее большинство людей мало что запоминает из прочитанного в газете. Заголовки, заметки, хроника (правдивая или лживая) — все это улетучивается, как дым. И все же чтение газеты не проходит без следа. Сам по себе этот след еле заметен, но если одно и то же повторяют изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц, то мало-помалу читатель поддается воздействию газеты. После нескольких месяцев не критического чтения прессы у читателей складывается определенный круг представлений. Это-то и именуется общественным мнением.

Иными словами, современная массовая печать менее всего может служить источником «новостей». Она по преимуществу является рупором коммерческой рекламы и жульнически замаскированной пропаганды. Сообщения информационного характера либо специально подбираются, либо вовсе не пропускаются в печать; либо преподносятся на первой странице, либо отодвигаются на самое незаметное место; извращаются или приукрашиваются, снабжаются сочувственными или враждебными заголов-

ками — всегда с одной неизменной целью: оказать определенное воздействие на сознание читателя. Какое воздействие? Именно такое, какое желательно владельцу газеты. Это, конечно, означает, что на читателя оказывается *именно такое воздействие, какое больше всего соответствует интересам* владельца газеты, его рекламодателей, его компаньонов и друзей. Лишь в информации такого рода, которая не затрагивает интересов этой группы, как, например, спортивная хроника или отдел происшествий, газеты проявляют беспристрастие и, в большей или меньшей степени, заслуживают доверия.

Все это доказывает, разумеется, что не может быть подлинной политической демократии, пока народ остается в зависимости от несвободной прессы, контролируемой корыстными интересами ч используемой для соответствующей пропаганды, то есть такой прессы, какую мы имеем сегодня. Если мы хотим достигнуть подлинной демократии, то важнейшей предпосылкой для этого является установление бескорыстного и беспристрастного контроля над всеми газетами.

Надо упомянуть еще об одной особенности современной массовой газеты. Большинство обыкновенных людей рассматривает ее не как предмет серьезного чтения, а лишь как легкое чтиво, как средство приятно провести время. Совершенно очевидно, что именно к этому и стремятся владельцы и редакторы газет.

Но большинство людей живет бессодержательно и скучно. Они любят, когда им щекочут нервы. Любят, чтобы их немножко пугали, немножко шокировали. Но превыше всего им нравится, когда потакают их чувству собственного превосходства, рассказывая им про других людей, — предпочтительно, про важных особ, — критикуя, оскорбляя и «разоблачая» их. Отсюда гигантские заголовки. Отсюда то красноречие, с которым репортеры подают свои ежедневные «сенсации» — публичные скандалы, стихийные бедствия, зверские убийства, грандиозные аферы, душераздирающие драмы, недостойные перебранки в парламенте, внезапные сигналы тревоги о грядущей войне или о грядущей революции, о грядущем ужасном кризисе или о грядущей мировой катастрофе!

Отсюда и пикантные сплетни об очаровательных «звездах» Голливуда, о королевской фамилии и о развлечениях светских красавиц, живущих праздной жизнью паразитов!

Честертон как-то заметил: «С читателями так называемой «массовой» прессы обращаются так, словно они грудные младенцы». Им преподносят «рассказы в картинках»; сообщения о скачках и пошлые комментарии к ним; астрологические вычисления в угоду суевериям неучей; болтовню о Голливуде и о светских «львицах»; ультрасенсационные сообщения о несчастных случаях, кошмарных убийствах, сексуальных преступлениях, пьяных потасовках, о мелодраматической гибели деморализованных, отчаявшихся людей — и все это в атмосфере крикливой рекламы и хронической истерии! Все это в вихре безудержной шумихи, дабы поднять до небес одного человека, одну партию, одну идею, а другого человека, другую партию, другую идею превратить в пугало и посмешище! Все это делается весьма искусно, так, чтобы читатель был в меру занят и в меру и приятно возбужден; а мыслей никаких не нужно, не требуется, даже не полагается!

Духовный наркотик!

Может быть, и верно, что газеты, имеющие большое распространение, дают своим читателям именно такое читиво, какого хочет большинство из них, — но в равной мере справедливо и то, что вкус массового читателя не есть нечто «данное» раз и навсегда. Он формируется и развивается, постепенно воспитывается и утончается или же, напротив, уродуется и огрубляется. Читателя можно приучить к большей или меньшей разборчивости, можно поднять на более высокий уровень или, наоборот, низвести на более низкую ступень, *смотря по тому, какой духовной пищей его питают*. Всякий вкус, хороший и дурной, приобретается, воспитывается и развивается. У людей пробуждается вкус и склонность к тому виду литературы, кино или музыки, к которому их приучили, к которому они привыкли.

Пресса, наряду с кино и радио, не вправе уклоняться от ответственности за современный культурный уровень

читательской массы. «Пресса для скудоумных» оправдывается тем, что она дает публике «то, чего публика хочет». Но такой же довод мог бы привести в свое оправдание и тот, кто впервые научил людей нюхать кокаин, а затем стал снабжать их таковым (с выгодой для себя).

Чтение и образование

В нашей системе образования, несомненно, имеется какой-то серьезный изъян. Словно ребенку дали в руки какие-то инструменты, но не научили его пользоваться ими и не объяснили, для чего они служат. Школа дает ребенку некоторые духовные инструменты, в частности, умение читать и писать, но в большинстве случаев дальше этого она не идет. Детей учат читать, и они действительно усваивают процесс чтения. А затем, в бесчисленном множестве случаев, они на протяжении всей своей жизни читают только самое жалкое, низменное, грубое «читиво». По существу, они умеют читать только желтую прессу, спортивные листки и бульварную литературу.

Мне кажется весьма спорным, имеет ли наша цивилизация право хвалиться тем, что мы фактически ликвидировали неграмотность. Так ли уж это безусловно, что лучше уметь читать в чисто механическом смысле, чем вовсе не знать грамоты, если читается только макулатура, не заслуживающая быть прочитанной?

Если бы оказалось, что 60 процентов населения читает только такой вид литературы, которая не обогащает и не развивает ум, а напротив, духовно обедняет и ослабляет читателя, можно ли было бы в этом случае утверждать, что грамотность—благо для таких людей?

Я не знаю, вправе ли мы говорить о 60 процентах населения, но я уверен, что это приложимо к очень значительному проценту читателей.

В отдельных случаях причина этого явления кроется в том, что ребенок от рождения лишен способности к нормальному умственному развитию. Но в огромном большинстве случаев причина заключается в неблагоприят-

ных условиях, о которых мы уже говорили выше, — в отсутствии интереса и поощрения со стороны родителей, в том, что подлинное образование подменяется в школе массовым обучением по заведенному шаблону, в том, что большинство видов юношеского труда оказывает мертвящее воздействие на ум подростка, и, наконец, в том, что длительное потребление духовных наркотиков извращает вкус и ослабляет умственные способности.

Для того, чтобы школьное обучение действительно принесло пользу, необходимо подумать о том, чем в наших школах сплошь и рядом пренебрегают, — хотя это не менее важно, нежели чисто механическое умение читать и писать, вызубривание таблицы умножения и запоминание немногих «фактов», выхваченных из различных областей.

Что касается чтения, то весьма существенно пробудить живой интерес, неутолимую жажду познавать и понимать окружающие явления; это заставит подростка, юношу, взрослого мужчину на протяжении всей жизни жадно стремиться к чтению целеустремленному и потому приносящему подлинную радость. Важно еще научить читать так, чтобы прочитанное запоминалось. В настоящее время для большинства людей 98 процентов прочитанного в часы досуга пропадает зря, потому что в памяти почти ничего не остается. Как общее правило, конечно, не без исключения, все то, что прочитывается и тут же забывается, могло бы с таким же успехом, и даже с большим, не читаться вовсе. Наконец, обучая ребенка чтению, нужно непременно прививать ему способность читать критически, оценивать прочитанное, проверять, разбирать, анализировать, подвергать сомнению, принимать или отвергать.

Подлинное чтение должно отвечать следующим трем требованиям: оно должно иметь цель, обусловленную определенными интересами; прочитанное должно сохраняться в памяти; и, наконец, подвергаться критической оценке и отбору. Все это, наряду с чисто механическим умением читать, педагог может воспитывать в ребенке, начиная с самого раннего школьного возраста, тренировкой и заразительным примером. Это одна из основ, без

которой невозможно никакое подлинное образование, хотя бы в какой-то степени достойное этого названия.

Еще одна основа всякого подлинного образования — развитие способности к ясному и рациональному мышлению. Овладеть этой способностью несравненно более важно, чем тратить время на изучение школьных предметов. Способность ясно и рационально мыслить в большинстве случаев не есть «дар свыше»; это искусство, которое надо приобрести; ему надо учиться, развивать его и совершенствовать. Каждого нормального мальчика или девочку нетрудно приучить рассуждать ясно и логически, привить навыки критического и творческого мышления. На пути к этому стоят два главных препятствия: во-первых, чрезмерное переполнение классов во многих школах, и, во-вторых, тот факт, что среди самих учителей очень мало кто обладает ясным мышлением.

Если в ребенке хорошо-развито умение мыслить, а также умение читать, критически анализируя и запоминая самое ценное из прочитанного, при наличии деятельного интереса ко всему многообразию окружающих явлений, интереса, порождающего неутолимую жажду больше познать и лучше понимать, — все остальное «приложится». А все остальное преимущественно приобретается путем самообразования. Подлинно просвещенным человеком является только тот, кто, научившись искусству наблюдать, читать и мыслить, самостоятельно завершил свое образование. На определенном этапе это единственная форма подлинного образования.

Примечательно, с какой быстротой и легкостью улетучиваются все другие виды так называемого образования. Великое множество мужчин и женщин, формально получивших «образование», по окончании начальной школы, или средней школы, или университета быстро возвращаются к состоянию неграмотности. Уже по истечении немногих лет они перестают интересоваться всем, что требует умственного напряжения. Часы своего досуга они проводят лишь в таких занятиях, которые не требуют це-

леустремленной деятельности ума. Они привыкают к чтению одной только «эскепистской» литературы, к пустым развлечениям, к некритическому восприятию чужих мнений и чувств. Они приучаются повторять, как попугай, те мысли, которых они нахватались из газет или из случайных разговоров. Даже те люди, которые в двадцать лет обладали живым умом, к сорока годам превращаются в невежественных «всезнаек» с умом ленивым и рассеянным.

Виноваты в этом в большой мере поставщики духовных наркотиков, в том числе издатели, книготорговцы и библиотеки. С типографских станков сплошным потоком (принося большой барыш) идет мертвящая ум «легкая» литература — бульварные и детективные романы и тому подобное чтиво, которое можно прочесть без малейшего умственного напряжения и тотчас же забыть. Часто раздаются голоса, что такого рода литературу читают для отдыха, чтобы дать покой бедному, утомленному мозгу. Это объяснение может быть применимо, и то в отдельных случаях, к человеку, занимающемуся целеустремленной умственной деятельностью не менее двенадцати часов в день. Впрочем, и в этом случае такой способ «умственного отдыха», по меньшей мере, абсурден, если сравнить его со слушанием музыки, плаванием, прогулкой, особенно садоводством или (что лучше всего) любым ручным трудом. Если вы хотите дать отдохнуть мозгу — поработайте руками, а не глазами!

Но в большинстве случаев все эти разговоры о том, что бедный, утомленный мозг нуждается в отдыхе, — сплошной вздор. Это не что иное, как предлог для того, чтобы одурманивать сознание наркотиками. *Девять* десятых всей публикуемой «легкой» литературы читаются людьми, которые в свои свободные часы не читают ничего другого или же читают очень мало. Это — своеобразная форма «эскепизма», бегства от действительности при помощи штампованных мечтаний, жалкий суррогат подлинной жизни, способ провести время, не затрачивая никаких усилий. Вообще говоря, мы можем назвать наркотиком любой вид литературы, чтение которой не требует умственных усилий и которая тотчас же забывается.

Такая быстро проглатываемая и столь же быстро забываемая литература, кино, радио, газеты — все это наркотики, предназначенные для того, чтобы ослабить умственные усилия, снизить способность к мышлению, выхолостить всякий живой интерес, приучить ум к медлительности и лени. Церковь в большинстве случаев способствует этому; если отдельные священники умеют самостоятельно мыслить и могут заражать людей собственным рвением, то большинство из них можно уподобить граммофонной пластинке, повторяющей одни и те же фразы, не вкладывая в них ни смысла, ни содержания. Во всяком случае, принимать на веру преподносимое в готовом виде учение (истинное или ложное) и утверждаемое как догма, несовместимо с активной деятельностью разума. Всякое подлинное мышление прекратится, если мы дадим внушить себе, что подвергать малейшему сомнению преподносимое нам учение безнравственно и даже опасно.

* * *

Чтобы меня не поняли превратно, я позволю себе прибавить несколько слов к сказанному в этой главе. Я меньше всего хотел бы создать впечатление, будто бы я считаю, что прибегать время от времени к умственному отдыху — дурно.

Точно так же я не хочу сказать, что для предохранения себя от духовных наркотиков никогда не следует ходить в кино, или слушать радио, или читать газету. Напротив, я убежден, что посмотреть первоклассный кинофильм — значит обогатить свою жизнь, разумеется, при условии, что будешь смотреть его не бездумно, а при активном участии разума. Я убежден, что и хорошая радиопередача, если ее слушать с живым вниманием и с разбором, также может привнести в нашу жизнь нечто ценное. Я думаю также, что пока мы не имеем ничего лучшего, следует читать ежедневную газету, но только критически оценивая ее и ясно отдавая себе отчет во всех ее уловках. В этих занятиях, которыми мы заполняем свой досуг, все зависит от того, является ли наше

восприятие активным и сознательным, или же мы пассивно позволяем себя развлекать.

Но даже при активном и сознательном восприятии недостаточно развлечений этого рода, чтобы в свободное от работы время жить насыщенной, позитивной, полноценной жизнью. Нам нужен какой-нибудь собственный активный интерес — просто «конек» или более серьезное занятие, требующее целеустремленных усилий; общение с людьми, беседы с ними, жаркие споры, во время которых приходится мыслить быстро и точно; страстное желание овладеть каким-нибудь видом искусства или новым ремеслом; жажда разобраться в каком-нибудь вопросе или приобрести знания в облюбованной нами области; стремление к поставленной себе цели, борьба за идею; или хотя бы любовь к ручному труду (не слишком легкому), чтобы самому мастерить незамысловатые предметы ради собственного удовольствия. Прививать такие интересы подрастающему поколению — существенная задача народного образования.

Любить — значит жить

До сих пор я писал об интересах, заполняющих наш досуг, так, словно каждый человек проводит свое свободное время в одиночестве. Во всяком случае я рассматривал вопрос заполнения досуга главным образом с точки зрения одного человека. В одной из следующих глав мы непосредственно займемся общественной стороной этого вопроса; там я покажу, что самыми ценными, содержательными, дающими глубочайшее удовлетворение переживаниями мы обязаны общению с другими людьми, особенно совместному участию в каком-либо общем деле,

В данной же главе мы займемся особой, очень узкой, но весьма существенной формой человеческого общения. Значительная часть свободных (то есть нерабочих) часов у большинства людей посвящена взаимоотношениям мужчины и женщины; в дальнейшем, в силу естественного хода вещей, к этому обычно присоединяются отношения между родителями и детьми. Было бы совер-

шенно бесплодно обсуждать вопрос о нашем досуге, не учитывая того факта, что большая часть его уделяется любви и семейной жизни. Не у каждого есть эти переживания, отношения, интересы. Но эти отношения естественные и, вероятно, совершенно необходимые для полноты внутренне богатой, эмоционально насыщенной жизни.

Пол занимает очень большое место и является перво-степенным стимулом в жизни каждого нормального человека. Поистине счастливы те, кто черпает силы и глубокое удовлетворение во взаимной любви, оставаясь в то же время участником жизни деятельной, содержательной, полной интересов, имеющей объективную направленность.

К сожалению, такие случаи редки. Прежде всего, в условиях нашей теперешней полумодернизации слишком мало людей с живыми, активными интересами, с живым и деятельным умом. Это объясняется обстоятельствами, о которых уже шла речь выше. Во-вторых, в настоящее время у юношей и девушек слишком мало возможностей найти себе подходящую «пару». У молодежи по большей части слишком ограниченное поле выбора, и фактически выбор ее носит чаще всего чисто случайный характер: «получилось» так, что встретились и сошлись..

В-третьих, наша современная торгашеская цивилизация порождает главным образом себялюбивых, корыстных, глубоко эгоцентричных людей, решительно все расценивающих по принципу: «Какая мне от этого выгода?» Вся жизнь в торгашеском обществе построена на выгоде. В таком обществе самое значение слова «успех» сводится к умению брать больше, чем даешь. Вся деловая жизнь, например, состоит в стремлении обеспечить перевес прихода над расходом, иными словами, заключить выгодную сделку. (Если читатель до сих пор не задумывался над этим, я попрошу его сосредоточить внимание на этой моей мысли.)

Воспитываясь в атмосфере корысти и наживы, мы усваиваем приемы и воззрения торгашеской цивилизации, и у большинства, естественно, вырабатывается соответствующий характер. Это относится не только к тем, кто принимает непосредственное участие в бизнесе. Опре-

деленный отпечаток накладывается и на представителей свободных профессий, и на все категории работающих по найму. Этим ядом пропитана почти вся жизнь народа. В торгашеском обществе «торговля» задает тон всей жизнедеятельности нации. Она устанавливает систему общепотребительных критериев, причем вопрос: «Какая цена этому человеку?», значит: «Сколько у него денег?»; а под словами: «Удачлив ли он?», подразумевается: «Умеет ли он заработать?»

Основной порок нашего торгашеского общества состоит в том, что его *основа* — корысть и эгоизм. Оно награждает корысть и эгоизм и тем самым *поощряет* их. Характер человека, как правило, определяется семейной обстановкой, окружающей средой, традициями, воспитанием, которое он получил, и реальными условиями, в которых он живет. Поэтому наше современное торгашеское общество не может не порождать *всё возрастающее* количество людей более эгоистичных, чем это вызывается необходимостью и чем они были бы, если бы выросли при другом общественном строе (то есть в обществе, основанном не на корыстной конкуренции, а на сотрудничестве, в обществе, расценивающем человека в зависимости от того, что он дает коллективу, а не от того, что он у него берет, и таким образом поощряющем альтруизм, а не эгоизм).

В данном случае нас больше всего тревожит губительное влияние, оказываемое современным общественным строем на частную жизнь огромного количества людей. Вся атмосфера торгашеской цивилизации имеет свойство делать мужчин и женщин большими эгоистами, чем это необходимо, и притом эгоистами даже в частной жизни, даже в своей семье, даже по отношению к тем, кого они «любят».

Надо признать, что огромное множество людей настолько эгоистичны, что им просто недоступны отношения, основанные на подлинной любви, о которой я говорил выше. Это одна из величайших жизненных трагедий. Кроме того, для миллионов супружеских пар, включая и тех, кто наслаждается домашним комфортом, семейная жизнь отравлена. Отравлена эгоизмом мужа, жены или их обоих. Он — или она — интересуется только «выго-

дой». Он — или она — думает только о том, что ему — или ей — удастся извлечь из своего домашнего очага, своего брака, своего партнера. Каждый стремится извлечь для себя как можно больше удобств, удовольствий или жизненных преимуществ.

На такой основе невозможно построить содержательную, полноценную, счастливую жизнь — подлинно цивилизованную жизнь в семье

Хорошая и плохая домашняя обстановка

Большинство людей значительную часть своего досуга — тех часов, когда они, собственно, и живут по-настоящему, — проводит у себя дома. В какой же обстановке они проводят эти часы?

Бывает хорошая домашняя обстановка и бывает плохая. Но тут нужно сразу точно договориться, что мы подразумеваем под этим определением. Хорошая домашняя обстановка — это не просто хорошая квартира. Это даже не то, что удобная, изящно отделанная и хорошо обставленная квартира. Сколько есть семей, которые живут в просторных, красивых, со вкусом убранных квартирах, снабженных всеми современными удобствами и разными новейшими хозяйственными усовершенствованиями, а домашняя обстановка у них все-таки плохая. Ведь всякому ясно, что если в самой лучшей и как нельзя лучше обставленной квартире живет самодур и грубиян, с женой-истеричкой и кучей запуганных до полусмерти ребятишек, то их домашнюю обстановку никак не назовешь хорошей!

С другой стороны, и в тесном, неудобном, некрасивом и бедно обставленном помещении иные ухитряются создать домашний уют.

Короче говоря, для того, чтобы судить о качестве домашней обстановки, для того, чтобы ответить на вопрос, хорошая она или плохая, приходится прежде всего принимать в расчет качество людей, которые в ней живут, — их характеры и образ жизни.

Однако и само жилье, и его окружение тоже играют роль. Понятно, что материальные условия, в которых человек живет, и люди, которые его окружают, оказывают влияние на его характер, его образ жизни, его интересы, его физическое здоровье и его умственное развитие. Нищета, грязь и убожество городских трущоб — ведь это не только отсутствие материальных удобств; это также отсутствие красоты и человеческого достоинства.

Есть, правда, семьи, которые в самых ужасных, трущобных квартирах умеют создать хорошую домашнюю обстановку. И есть исключительные люди, в которых самая ужасная домашняя обстановка не может убить живость ума, силу и стойкость характера. Но факт остается фактом: именно из таких семей, живущих в плохой домашней обстановке, в грязных, скученных кварталах, именно из этих кварталов и жилищ, лишенных красоты и благообразия, выходят если не все, то большинство наших дефективных детей — все эти трудновоспитуемые, малолетние правонарушители, бродяги, хулиганы, преступники, алкоголики и прочие неполноценные субъекты.

Я, разумеется, не хочу сказать, что причину появления этих полудивилизованных, антисоциальных типов следует искать исключительно в плохих домашних условиях. В каком-то, еще не установленном проценте случаев причиной является тяжелая наследственность. Есть семьи, в которых такие патологические явления имеют тенденцию повторяться: прирожденное тупоумие, пониженный или подверженный очень резким колебаниям жизненный тонус, эмоциональная неустойчивость, доходящая до потери самообладания, — все это у них, так сказать, «в роду». И такие семьи, если они не обладают нетрудовым доходом, рано или поздно скатываются на дно. Однако не следует прибегать к этому слишком легкому объяснению всякий раз, как мы видим, что в семье из поколения в поколение повторяются одни и те же дефекты; быть может, тут виной «дурная наследственность», а быть может, и то обстоятельство, что все поколения росли в одинаково плохих условиях. Сочетание обоих неблагоприятных факторов — вот что, вероятно, будет наиболее научным объяснением.

Но, кроме этих общих, теоретических соображений, имеются налицо и конкретные виды безнравственности, которые прямо и непосредственно связаны с жизненной обстановкой городских трущоб. Что же после этого сказать о владельцах таких трущобных домов? Разве не преступление получать доход от условий, которые порождают преступников? Разве не безнравственно извлекать прибыль из обстановки, которая плодит безнравственность? Разве не тяжкий грех класть в карман квартирную плату за эти инкубаторы, в которых выращиваются антисоциальные, дефективные, неполноценные типы человека? На все эти вопросы и общество и церковь, повидимому, отвечают: «нет». Ибо владельца трущоб общество принимает в свое лоно как вполне уважаемого гражданина; если он богат, то его окружают еще и почетом, а церковь широко открывает перед ним двери и вместе с ростовщиками и менялами снова вводит его в храм, — где уже нет того, кто некогда взял в руки бич и выгнал их всех вон!

* * *

Теперь обратимся к более приятному зрелищу, посмотрим, что такое хорошая домашняя обстановка. Это прежде всего такая обстановка, при которой семья может вести по-настоящему цивилизованный образ жизни. Во всяком случае у нее есть такая возможность, хотя по причинам, которые мы обсуждали в предыдущих главах, члены этой семьи лично, быть может, и неспособны жить полной, богатой, интересной, умственно активной жизнью. Ум и любознательность, способность живо и деятельно чем-нибудь заинтересоваться, умение получать удовольствие от развлечений, требующих усилий, способность совершенствовать свое критическое чутье и вкус — все это, быть может, было убито в зародыше родителями еще в раннем детстве. Или заглохло в школе из-за бездарного преподавания. Или было вытравлено — рутиной и скукой раннего наемного труда. А возможно, что они уже во взрослом состоянии усвоили привычку к духовным наркотикам, и разнообразные способы легко и

бездумно «убивать время» привели к ослаблению их умственных способностей и огрубению вкусов.

Даже если это так, то, по крайней мере для их детей, еще есть надежда. Если они живут в хорошей домашней обстановке, это значит, что у них есть хотя бы все необходимые материальные предпосылки. Очень важная черта хорошей домашней обстановки — беспрепятственная возможность принимать своих друзей. Пусть сыновья зовут своих товарищей и знакомых девочек; пусть дочери приглашают своих подруг и знакомых мальчиков. Они научатся благодаря этому сами развлекать себя и других, вместо того чтобы целиком полагаться на кино, радио и легкое чтение. И, может быть, также они приобретут искусство и познают радость живой, занимательной беседы. И, наконец, если кто-нибудь из детей пристрастится к тому или другому занятию или заинтересуется той или другой областью знания, очень важно, чтобы он мог позвать к себе приятелей, которые разделяют его увлечение. Более важного воспитательного фактора я просто не знаю. Это лучший способ развить и укрепить умение деятельно проводить свой досуг, а стало быть, и жить полной и богатой жизнью. Ибо трудно чем-нибудь увлекаться в одиночку; а интерес, который ты разделил с другим, становится от этого и живей, и глубже.

Таким образом, чем больше семей будет жить в хорошей домашней обстановке, тем больше — притом во всё возрастающей пропорции — они будут давать обществу людей с живым умом и широким кругозором, с деятельными интересами, одним словом, подлинно цивилизованных людей. Но как мало еще таких семей, как их еще недостаточно! Подавляющее большинство наших домов настолько плохи, что создать в них хорошую домашнюю обстановку нет никакой возможности. А с другой стороны, и в хороших домах редко встретишь хорошую домашнюю обстановку. Ибо в хороших домах слишком часто живут люди, чье умственное развитие было убито в зародыше их родителями, или заглохло в школе, или было задушено слишком ранним наемным трудом, или завяло и притупилось уже в зрелых годах под воздействием духовных наркотиков

Но борьба продолжается — за лучшие дома, за лучшую домашнюю обстановку, за лучших родителей, за лучшие школы, за устранение наемного труда подростков, за уничтожение ставшей бизнесом торговли духовными наркотиками. Рано или поздно мы создадим подлинную цивилизацию.

Самое главное — жить в коллективе

Много лет тому назад Герберт Уэллс обратил внимание на один факт, очень важный для понимания некоторых основных проблем человечества. Он показал, что «нормальная общественная жизнь» человечества, как он ее называет, — это жизнь сельских общин. Почти во всем мире в течение многих тысячелетий люди, как правило, жили в деревнях. От Центральной Африки до Сибири и Туркестана, от палимых солнцем островов Южных морей до окутанных туманом островов Великобритании, от древнего Египта до средневековой Франции и современных Исландии и Китая подавляющее большинство человеческого рода всегда жило небольшими общинами, более или менее замкнутыми, более или менее независимыми. Люди возделывали кусок земли вокруг своей деревни, пасли своих овец и рогатый скот, рубили деревья в соседнем лесу и таким путем снабжали себя, — то есть свою сельскую общину, — пищей, одеждой, жилищем и топливом.

История повествует почти исключительно о деяниях очень незначительного меньшинства народа, которое состоит из людей, отошедших от «нормальной общественной жизни» и ставших авантюристами или осевших в городах. Между тем из века в век, пока это незначительное меньшинство человечества мало-помалу и как бы скачками вырабатывало некую городскую цивилизацию, ведя торговлю, борясь за богатство, за власть, за первенство, делая открытия, учась жить по-новому, развивая новые идеи, — подавляющее большинство продолжало вести

прежний образ жизни, как повелось с незапамятных времен, пребывая в рассеянных по лицу земли бесчисленных сельских общинах.

Деревня была их миром. Они почти не слышали о том, что происходит за двадцать миль от них. Чужие появлялись редко, а те, которые появлялись, рисковали жизнью. Парни женились на девушках из своей же деревни; в бесконечном ряду поколений браки заключались в пределах данной деревенской общины с населением в несколько сот человек. Иногда вступали в брак парень и девушка двух соседних деревень, но круг все же оставался очень узким. Не только в ряду нескольких поколений, но в течение столетий, — а в некоторых частях света, быть может, даже тысячелетий, — среди сельского населения браки заключались между близкими родственниками.

Такие браки могут давать хороший или плохой результат, в зависимости от того, какими генетическими достоинствами и недостатками отличается данная группа. Какие бы генетические факторы ни были налицо, браки между близкими родственниками усиливают их, выявляют скрытые наследственные черты, наделяя все поколения соответствующими свойствами (хорошими или дурными, как случится). В итоге через десяток поколений население какой-нибудь определенной группы деревень приобретало наследственные черты, резко отличные от тех, которыми характеризовалось население других деревень, отстоящих в тридцати-сорока милях от этой группы.

Но в данном случае меня интересует не биологическая сторона вопроса, а вот какая: в такой замкнутой общине человек не имел обособленной личной жизни в том смысле, как мы теперь ее понимаем. Жизнь каждого жителя деревни была слишком тесно переплетена с жизнью односельчан, чтобы он мог чувствовать себя обособленным. Урожайный год давал пропитание всем, и все одинаково несли на себе тяготы последствий запоздалых морозов, болезней скота, бурь и разбойничьих набегов. Кроме того, у деревенского жителя и не могло быть частной жизни: все, что он делал или говорил, тотчас становилось известно всем. Давление общественного мнения в деревне было, надо думать, почти непреодолимо; вызвать осуж-

дение всей деревни действительно страшно для человека, вся жизнь которого связана с ней. Словом, в такой тесно сплоченной сельской общине об индивидууме, как таком, вряд ли можно говорить. Он неотъемлемая часть целого, а не обособленный индивидуум. Он принадлежит к группе, составляющей население деревни. Его жизнь в основном сводится к участию в ее жизни.

Я подробно остановился на этом моменте, так как он имеет важное значение для нашей современной жизни, как бы мы далеко ни ушли от образа жизни замкнутой деревенской общины. Далеко, далеко ушли мы от этой жизни; но мы двигались с невероятной быстротой, так что *по времени* отошли от нее лишь недавно.

Вспомним, как много предков у каждого из нас: двое родителей, четверо прауродителей и так далее. Значит, примерно два столетия (семь поколений) тому назад на свете жили 64 женщины и 64 мужчины, от которых я происхожу. Некоторые из этих 128 человек жили в небольших городах и крупных центрах, причем с деревней порвали уже их предки за несколько поколений до них. Но уж, конечно, не меньше 100, а вероятно, 110—115 из них оставались еще деревенскими жителями и жили в десятке деревень (в разных частях Англии), там, где жило большинство их предков в течение многих сотен лет.

Так же обстоит дело и с твоими предками, читатель! Среди нас мало таких, кто был бы удален на шесть-семь поколений — многие удалены несравненно меньше — от того времени, когда основная масса наших предков жила еще в десятке деревень... там же, где еще более далекие наши предки жили в течение последнего тысячелетия.

Перемена, совершившаяся на протяжении всего нескольких поколений, была слишком резкой.

Мы еще не успели выработать новый жизненный уклад, отвечающий новым условиям жизни. В этом, пожалуй, основная беда нашей эпохи.

Какой контраст с жизнью тесной деревенской общины представляет собой жизнь мужчины (или женщины) в современном индустриальном городе или каком-нибудь крупном центре; у него самое большее человек пять приятелей, знакомство с которыми он свел всего несколько

лет назад; он совершенно оторвался от своих родственников, от троюродных, двоюродных, а может быть, даже и родных братьев и сестер; он часами ходит по улицам, не встречая знакомого лица: все для него чужие, и сам он всем чужой; его сослуживцы или товарищи по работе для него всего-навсего знакомые; с ближайшими своими соседями он почти незнаком; он может вести себя как ему вздумается, и никто и слова не скажет, никто даже не узнает и не поинтересуется узнать, что он делает! Наберется, может быть, горстка людей, не больше, — его собственная семья да три-четыре близких приятеля, — для которой имеет какое-нибудь значение то, что он думает, чем живет, что делает, что с ним.

Теперь множество людей и в деревне живут, как в больших и малых городах, особенно на разбросанных по широкому пространству фермах Австралии, Канады и некоторых частей Соединенных Штатов. Они уже не члены какого-нибудь коллектива в полном смысле этого слова и не принимают участия в коллективной жизни. Семьи, а подчас и одиночки живут совсем обособленно.

В деревне отдельные семьи или отдельные люди изолированы друг от друга физически. Но и в городах, малых и больших, — несмотря на наличие толпы в густо населенных предместьях, на крупных заводах, в битком набитых трамваях и автобусах, в переполненных кинозалах, на шумных улицах, — очень многие семьи, пары, даже отдельные люди, тем не менее, бывают совершенно одиночки. Я хочу сказать: они не живут жизнью коллектива, не являясь неотъемлемой частью подлинного общественного организма.

Заявить, что теоретически, формально, они — «члены» нации или государства, значит обойти существо вопроса. Принадлежность к той или иной нации может сводиться к уплате налогов, повиновению законам и участию во всеобщих выборах. В таком разъединенном обществе, как наше, нет ничего, что действительно заслуживало бы названия «национальной жизни», в которой сознательно и активно участвовал бы каждый гражданин. Как бы мы ни относились к социальному строю России вообще, нам ясно, что только там каждый гражданин всегда может

чувствовать себя *частью* всего великого, организованного и целеустремленного коллектива в целом. К сожалению, в других странах это чувство коллективности ощущается только во время войны.

Настоятельно необходимо дать людям возможность чувствовать себя неотъемлемой частью и активными участниками целеустремленной жизни великого коллектива — всей нации. Теперешняя наша псевдодемократия этого чувства коллективности дать не может. Но это было бы достижимо, если бы мы сумели приблизиться к подлинной демократии; тогда она вошла бы в нашу повседневную жизнь как самый интенсивный интерес и наивысшая функция каждого из нас. Однако это слишком обширная тема, чтобы обсуждать ее здесь.

Человек может принадлежать также к одному из более мелких коллективов внутри государства. Но их слишком мало. И слишком немногие принадлежат к ним. Я считаю, что мы никогда не достигнем полной цивилизации и наши свободные часы никогда не будут столь насыщены содержанием, как это могло бы быть, пока подавляющее большинство из нас не будет принимать участия в жизни одного, двух, трех коллективов, помимо принадлежности каждого к маленькому обособленному коллективу своей семьи.

Лишь немногими полноценными видами деятельности можно заниматься в одиночестве. Мы нуждаемся в обществе людей, разделяющих наши цели, наши интересы, наши вкусы, даже наши пристрастия. Художник обычно испытывает потребность принадлежать к какому-нибудь кружку художников. Если мы хотим насладиться музыкой, то поступим правильно, объединившись с другими, наделенными той же склонностью. Если пожелаем предаться какому-либо излюбленному занятию, — будь то астрономия или коллекционирование почтовых марок, исторические изыскания или ловля бабочек, садоводство или альпинизм, спорт или изучение психологии ребенка, — наше увлечение подымется на более высокий уровень, интересы приобретут более продуманный характер, переживания станут богаче и полнее, если мы будем поддерживать товарищеское общение с другими людьми, у ко-

торых одни с нами интересы. Таким способом мы получим возможность обмениваться мыслями, а выражение мыслей и обмен ими содействуют развитию идей. Наши собственные усилия подвергнутся дружеской критике; а нет ничего более полезного, чем такая критика. Она стимулирует наши дальнейшие усилия, и никто не может сделать это лучше, чем человек, наклонности и вкусы которого совпадают с нашими.

Я вовсе не хочу сказать, что клубы, общества, кружки, объединяющие любителей какого-нибудь занятия, можно назвать «коллективом» в том смысле, как я понимаю это слово. Отличительная особенность подлинного коллектива состоит в том, что члены его *сознают* свою принадлежность к нему, свою тесную связь с ним, активно участвуют в его жизни, понимают, что в качестве его членов они взяли на себя — каждый в отдельности — моральные обязательства, и несут личную ответственность перед коллективом в целом.

В настоящее время самыми крупными и сильными коллективами (в этом смысле) у нас все еще являются церковные организации. Другой тип коллектива мы видим в армии, в отдельных полках, где особенно сильно развит корпоративный дух. Школы, если только они не очень плохи, тоже становятся настоящими коллективами. Там и сям возникают разные воинствующие группы политических и социальных реформаторов, тоже объединяемые подлинным чувством коллективности. Большая часть тред-юнионов и производственных профсоюзов представляют собой коллективы, и многие из них крепко спаяны. Коммунистическая партия — ярко выраженный коллектив в указанном смысле. Коллективом может быть отряд бой-скаутов. Делаются попытки вызвать чувство коллективности, чувство товарищества и взаимной ответственности у населения определенного городского района, определенной улицы, даже определенной группы домов, путем создания соответствующих «общественных центров». Настоящими коллективами стали некоторые професии, несмотря на то, что их представители рассеяны по всей стране. Можно наблюдать возникновение чувства коллективности у рабочих многих промышленных

предприятий; особенно желательно поощрять это чувство коллективности, чувство товарищества и общей ответственности у рабочих коммунальных и кооперативных предприятий.

Коллективные усилия и деятельность (в том смысле, как я определил понятие коллектива) для цивилизованного человека являются наиболее полноценным использованием его часов досуга.

Отдых и сокращение рабочего времени

Окинем взглядом еще некоторые факты.

Прежде всего нет надобности выходить из себя по поводу утверждения, будто весь наш досуг должен быть заполнен какой-то напряженной деятельностью, ибо никто этого и не утверждает. «Ну что за жизнь: совсем не смей остановиться, поглядеть!» А кто-то прибавил: «Ну что за жизнь: совсем забыть, как можно сесть и покурить!» Правильный образ жизни, конечно, требует, чтобы часть времени была отдана полному отдыху.

Но отдых — это искусство. И, к сожалению, такое, которым в условиях современной англо-американской культуры мало кто владеет. Более того, об отдыхе говорится много вздора; ленивые умы любят оправдывать им свою умственную лень. Мы слышим, например, объяснения в таком духе, что, мол, «жизнь теперь слишком напряженная», — ну, просто «нервы не выдерживают», и человек к концу рабочего дня испытывает такое умственное переутомление, что голове надо отдохнуть, а для этого необходимо провести вечер в кино или за чтением детективного романа.

Все эти разговоры в значительной мере лишь ширма, прикрывающая умственную лень, духовную пустоту, отсутствие живого интереса к чему бы то ни было.

Но некоторые люди на самом деле испытывают усталость, которую они называют «умственным» утомлением, во которая в действительности является усталостью мы-

шечной, нередко вызываемой продолжительным напряжением мускулов лица. Большинство людей воображает будто у них утомлен «ум», тогда как на самом деле они страдают главным образом от «усталости лица». От нее можно избавиться, выработав привычку расслаблять лицевые мышцы, научившись работать, мыслить, говорить, даже бороться за место в трамвае при возвращении домой в часы пик, не напрягая мускулов лица. Во всяком случае, страдая от последствий чрезмерного напряжения лицевых мускулов, надо, по меньшей мере, понимать, что поскольку усталость — чисто физическая, то таковым должно быть и лекарство. Хорошо действует умывание горячей и холодной водой (хотя никто этого средства не рекламирует, ибо оно не может принести дохода ни одному коммерсанту!). Несколько минут медленного глубокого дыхания тоже могут сделать чудеса.

Вариантом этого вида усталости, нередко также принимаемым за «умственную» усталость, является переутомление зрения и слуха. У многих жителей современных городов органы чувств подвергаются с утра до ночи непрерывной бомбардировке. В тех случаях, когда утомлены глаза, нужно промыть их холодной водой и минут пять посвятить специальной весьма несложной гимнастике. Если же утомлен слух, неплохо послушать негромкую музыку или побыть в полной тишине. Поэтому, когда люди, страдающие от усталости зрения, слуха или лицевых мускулов, воображают, что просмотр «боевика», чтение детективного романа или слушание джаза может принести им отдых и облегчение, то это — чистейший абсурд. Правда, все это — способы бездумно проводить время. Но они не дают ни малейшего отдыха ни мускулам лица, ни органам чувств, которые как раз и нуждаются в покое.

Отдых и развлечение — две вещи разные. Последнее — это вид переживания, о котором я не раз говорил в этой книге; оно заключается в том, что наше внимание привлечено и приковано, наши чувства в плену, ум наш просто «занят» теми или иными действиями кого-то другого. Когда мы глядим на экран, читаем книгу, просматриваем газету, рассеянно слушаем радио, наше мышление в этом не участвует. Мы при этом пассивны. Мы бездумно от

даемся чужой воле. Нас занимают и развлекают, иными словами, «избавляют» от необходимости мыслить! Но при этом мускулы лица у нас могут все-таки оставаться напряженными, зрение — уставать, а слух — подвергаться бомбардировке... так что настоящего отдыха не получится.

С другой стороны, партия в шахматы способна дать подлинный отдых! Это утверждение может показаться странным. Но обратимся к фактам. При игре в шахматы нет напряжения лицевых мускулов, ни зрение, ни слух не утомляются, все части тела находятся в покое. Но это как раз и есть то состояние, которое мы называем «умственным отдыхом». В том-то все и дело, что для так называемого умственного отдыха вовсе не требуется, чтобы мы перестали думать. Наоборот! Поскольку усталость, неправильно называемая умственной, на самом деле является физической, ее невозможно устранить развлечениями, связанными с напряжением мускулов лица или сильным раздражением органов чувств. Но ничто не мешает нам предаваться позитивному и целеустремленному мышлению даже того аналитического характера, которого требует игра в шахматы. Точно так же возможно получить полный умственный отдых, слушая музыку, вдумчиво, серьезно, критически разбираясь в ней и производя строгую оценку. Наконец, существует бесконечный ряд занятий, начиная с шитья и всяких ремесл и кончая серьезным чтением и содержательной беседой, которые могут давать настоящий «умственный отдых» и восстановление сил.

Рассматривая вопрос об умственном и физическом отдыхе, мы невольно подходим к вопросу о сне. Сколько времени действительно необходимо для сна? Почему эта книга озаглавлена «от 6 вечера до полуночи», а не «от 6 до 11» или даже «от 6 до 10»?

Конечно, заглавие дано мною условно. Во-первых, наш досуг состоит не только из вечеров, но и из уик-эндов. А некоторые, например, домашние хозяйки, располагают еще большим временем для полноценной жизни. Кроме того, многие из нас до известной степени могут «жить» не только в свободное время, но и на работе. Однако в общем факт остается фактом: для подавляющего боль-

шинства полная, содержательная, осмысленная активным интересом жизнь возможна главным образом лишь по вечерам и в свободные дни. И с этой точки зрения далеко не безразлично, будет ли человек ложиться спать в 10, в 11 часов вечера или же в полночь.

Сколько часов необходимо для сна? От ответа на этот вопрос нередко уклоняются (я считаю это просто уклонением), ссылаясь на то, что это, мол, «у разных людей по-разному». Пусть даже так. Но можно ли определить, сколько часов сна требуется данному лицу, например, вам?

Надо заметить, что если человек обычно спит такое-то количество часов, то это еще не значит, что именно оно для него и необходимо. Продолжительность она в значительной мере дело привычки. Один привык спать шесть часов в сутки и утром встает совершенно отдохнувший. У другого вошло в обыкновение спать восемь часов, и он уверен, что именно столько ему и нужно. Но, быть может, ценой лишь небольшого усилия, потратив две-три недели на борьбу с сонливостью по утрам, он мог бы приобрести новую привычку: спать только шесть часов... и к концу месяца стал бы просыпаться каждое утро после шестичасового сна таким же отдохнувшим, как просыпался прежде после восьмичасового.

На основе консультаций со специалистами, а также собственных многолетних и тщательных наблюдений я пришел к выводу, что здоровый взрослый человек должен спать не больше 6—7 часов в сутки, если только ему не приходится днем затрачивать много физических усилий. Я убежден также, что большинство из тех, кто спит по 8—9 часов в сутки, делает это в основном из-за неимения интересного занятия, ради которого стоило бы посидеть попозже. Они ложатся спать от скуки. Это один из способов «убить время». Скоро это входит в привычку, и человеку, как и при любой привычке, уже кажется, что это ему «необходимо».

Несомненно, значительное число людей спит слишком много. И это так же вредно, как и обжорство. Это в сущности не менее вредно, чем чрезмерное употребление спиртных напитков, только в последнем случае вред заметнее. Я поставил бы эти три дурные привычки на одну

доску; и почти так же пагубны для всякой подлинной жизни и другие виды пассивного времяпрепровождения, усыпляющие духовную деятельность, то есть все разнообразные духовные наркотики, о которых мы говорили».

В конце концов время, остающееся у нас для жизни за вычетом рабочих часов, строго ограничено. Считая с 6 вечера до полуночи плюс уик-энд, человек обычно располагает примерно 56—60 часами «принадлежащего ему» времени. Но и эти часы не в полном его распоряжении. Джон Дринкуотер говорит:

«У среднего гражданина много времени уходит на удовлетворение повседневных нужд, нужд весьма настоятельных. Он должен зарабатывать средства к жизни, нести обязанности главы семьи и бывать в обществе. Если представить себе ясно, сколько времени уходит у обыкновенного гражданина на такие дела, как подсчет расходов, визиты, писанье ответных писем, заботы о своем здоровье, ожидание трамвая и поезда, одевание и раздевание, обмен любезностями, принятие пищи, разговоры со страховым агентом, ответы на глупые вопросы, покупку новой шляпы, принятие ванны, бритье, починку обуви, неотступный страх потерять трамвайный билет, — то нельзя не изумляться вулканической деятельности человечества. За вычетом всего перечисленного, времени остается очень немного. Но все же оно остается. И как раз от того, чем он заполняет этот остаток, в конечном счете и зависит прогресс рода человеческого».

Больше досуга! Это всеобщее требование. Поменьше рабочих часов в сутки, поменьше рабочих дней в неделе, поменьше рабочих недель в году, пораньше выходить в отставку, поменьше лет отдавать работе. Давайте меньше времени тратить на работу, пусть у всех у нас будет больше досуга.

Больше досуга — для чего? Для того, чтобы больше бездельничать? Чтобы проводить больше времени в качестве праздного зрителя на скачках, на футбольных матчах, в кино? Чтобы «убивать» время легким чтением или беглым просмотром газеты (забывая и книгу, и газету, как только отбросил их)? Чтобы дольше пассивно,

без затраты усилий «развлекаться»? Чтобы больше спать? Проводить больше времени в кабаке? Дольше греться на солнце?

Если бы такова была цель и вероятный длительный результат дальнейшего сокращения рабочего времени, то оно не принесло бы ни обществу, ни отдельным гражданам никакой пользы.

И наоборот, оно может принести большую пользу в том случае, если мы испытываем острую потребность в дополнительном свободном времени, — не негативно, чтобы только как-то проводить его и чем-то заполнить, но позитивно, потому что нам нужно сделать столько интересных вещей, что нам нехватает времени на все! Это и есть позитивное значение «досуга» — не просто часы, свободные от работы и проведенные в праздности, а часы, насыщенные активными интересами; это может быть какое-нибудь любимое занятие, изучение предмета, в котором мы жаждем открывать новые и новые для себя истины и понимать все лучше и лучше; игры и спорт, в которых мы желаем совершенствоваться; музыка, которую мы мечтаем послушать; борьба за ту или иную идею, которая требует все больше и больше времени; сад, который требует ухода; дети, с которыми хотелось бы повозиться подольше. Если время, которое «принадлежит нам», доотказа заполнено серьезными интересами и целеустремленной, позитивной деятельностью, тогда нам действительно *нужно больше досуга*.

Одно мы можем сказать с уверенностью: дальнейшее сокращение рабочего времени желательно *только в том случае*, если оно будет сопровождаться систематическими усилиями общества воспитать новое поколение, полное активных интересов, жаждущее жить насыщенной, богатой, полноценной жизнью.

Конечно, это не значит, что я вообще против дальнейшего сокращения рабочих часов. Рабочая неделя уже подвергалась сокращениям. Поскольку промышленность всё шире использует разные виды энергии, применяет все более совершенное машинное оборудование, проводит механизацию производства всё в больших масштабах, улучшает и совершенствует организацию, — естественным

результатом этого будет дальнейшее непрерывное сокращение количества часов, проводимых человеком на работе. Это делает еще более настоятельным и необходимым подготовку к цивилизованному использованию досуга.

Кто за цивилизацию?

Но какое нам дело до того, как люди тратят свой досуг, — если они счастливы?

Мы должны быть готовы к тому, что нам зададут такой вопрос. Очень многие прибегнут к этому поверхностному, беспринципному замечанию, чтобы попросту отмахнуться от всего сказанного здесь. Стоит ли беспокоиться? Стоит ли заниматься такого рода вопросами? Почему не удовольствоваться тем, чтобы обеспечить всем материальное благосостояние, изобилие денег и свободного времени, а затем предоставить каждому искать счастья, как ему (или ей) заблагорассудится?

В самом деле, почему бы и нет?

Обычно такая точка зрения служит лишь ширмой, прикрывающей эгоистическое равнодушие к благу других людей, к благу всего коллектива в целом и к его будущему. Она свидетельствует об отсутствии социального сознания, понимания ответственности перед обществом. В сущности она означает вот что: «Мне живется хорошо, я счастлив, насколько это возможно, а остальные тоже при желании могут быть счастливы. Во всяком случае это меня не касается. Разве я сторож брату моему?»

На такие рассуждения нечего возразить, вернее, единственным ответом может быть воспитание людей в духе коллективизма и развитие в них понимания общественного долга. Широкое распространение, которое в наши дни получили такого рода рассуждения, — в большой мере трагическое следствие краха чувства коллективности в атмосфере основанного на конкуренции индивидуализма — атмосфере, создавшейся вслед за промышленной революцией.

В нашу эпоху единственные значительные и организованные силы, отстаивающие противоположное убеждение, а именно, что благополучие каждого человека неблагоприятно всего коллектива в целом *касается* всех нас, — христианство и коммунизм. Это, однако, не значит, что чувством общественного долга обладают одни только христиане и коммунисты. Это не значит также, что большинство верующих христиан проникнуто чувством личной ответственности за благополучие коллектива в целом. Более того, коммунисты и христиане расходятся в толковании этого благополучия, а наиболее влиятельные церковные круги попрежнему служат интересам преуспевающего бизнеса. И все же мое утверждение в широком смысле остается справедливым: коммунизм и, возможно, в некоторой части своей христианство — вот две главные силы, которые ныне противостоят всепроникающему воздействию основанного на конкуренции индивидуализма и предельной эгоистичности нашей торгашеской цивилизации.

Однако затронутый выше вопрос нуждается в дальнейшем рассмотрении. Важно ли, как люди тратят свое свободное время, если они при этом счастливы? Почему бы нам, поставив себе целью обеспечить всем материальное благосостояние, обилие денег и досуга, не удовлетвориться этим и не предоставить каждому самому искать счастье по своему усмотрению?

Этот вопрос влечет за собой другой, имеющий первостепенное и всеобъемлющее значение. Может ли счастье само по себе, *безотносительно к тому, как оно достигается*, считаться высшим критерием личного и общественного благополучия, целью всех человеческих усилий? Я рассмотрел этот вопрос со всей доступной мне ясностью и логичностью в другой моей книге «Ради чего стоит жить». Не буду воспроизводить здесь своих аргументов. Я попрошу лишь читателя на минуту призадуматься и проанализировать то мнение по этому вопросу, которое у него сложилось.

Может ли счастье *безотносительно к тому, в чем оно заключается*, считаться высшим критерием личного и общественного благополучия? Или известные формы счастья и пути к его достижению следует поставить выше других?

Немногие из нас станут утверждать, что если только человек «счастлив», то несущественно, в чем заключается его счастье. Свинья в человеческом облике счастлива, копаясь в помоях. Художник находит наслаждение в созерцании красоты. Сплетница с восторгом повторяет грязные анекдоты о своих приятельницах. Ученому знакомо острое чувство интеллектуального возбуждения, испытываемого при поисках истины, и ликующая радость открытия. Атлет находит счастье в упражнении своей физической силы. Один обретает радость в возвышенной любви, другой получает удовольствие от посещения публичного дома. Хороший мастер счастлив гордым сознанием своего умения и сноровки. Счастлив бывает и напыщенный демагог, оглушаемый овациями толпы. Счастливы и те невежественные полукретины, которым нравятся пошлые, чувствительные романсы, дикие взвизги бредовой музыки и сенсационные заголовки «прессы для скудомных».

Можно найти счастье, столярничая у себя в доме или вышивая замысловатый узор. Некоторые находят счастье в танцах и флирте. Для других счастье — уйти с головой в изучение биологии или психологии, истории или международных отношений. Некоторые бывают счастливы, застыв в кресле кинотеатра и предавшись пассивному, но восхищенному созерцанию штампованных бредней. Многие находят счастье, играя в шахматы, занимаясь спортом, бродя по улицам, читая стихи, чувствуя себя «душой общества», слушая с пониманием концерт Рахманинова или же теряя последние остатки разума с каждым новым стаканом виски. Иные находят счастье в мистике, в религиозных настроениях, иные — в жарких содержательных спорах. Иные обретают счастье в пропаганде и организационной работе во имя идеи, которой они служат. Иные находят счастье в своих детях, следя за их развитием, руководя ими, воспитывая их, живя одной жизнью с ними. И наконец, многие обретают счастье, попросту «убивая время» без всякой цели, без всяких усилий, без единой мысли в голове...

Я снова прошу тебя, читатель, проверить свое мнение. Равны ли по своей ценности все разновидности счастья?

Или же есть виды счастья и способы его достижения, которые следует ценить выше других?

Я думаю, что со мной согласятся — я нарочно противопоставляю здесь две крайности, — что уж во всяком случае лучше проводить время в занятиях, укрепляющих физическое здоровье, чем, скажем, посещать притон курильщиков опиума! Едва ли кто-нибудь станет это оспаривать. И вообще, лучше находить счастье *в том, что обогащает и развивает человеческую личность, чем в таких занятиях, которые ослабляют, оупляют и обедняют ее.* Если это положение будет признано правильным, необходимость в дальнейшем обсуждении отпадает. Вся аргументация данной книги покоится на этой предпосылке.

* * *

Итак, мы снова возвращаемся к тем двум факторам, которые особенно сильно противодействуют проведению в жизнь только что изложенного принципа. Первый — это несостоятельность нашей системы образования, не сумевшей (во всяком случае до сих пор) вырастить поколение людей, воодушевленных живыми интересами, способных обретать счастье в открытии истины, сильных духом, деятельных, творчески одаренных, вооруженных критической мыслью, охваченных пылом и радостью дерзаний, окрыленных стремлением достичь более высоких целей, чем денежная прибыль.

Второй фактор — это всепроникающий яд торгашеского духа, о чем мы уже не раз говорили на страницах этой книги. Должно ли побуждать, уговаривать, поощрять людей искать счастья именно на этом пути или на том? В наше время выбор пути зависит от того, представляет ли он коммерческий интерес, иными словами, сулит ли он выгоду какому-нибудь бизнесмену! Если мы осознаем этот факт, мы найдем ключ к пониманию, по крайней мере, половины всех зол нашего века.

Вдумайтесь в могущество коммерческой рекламы. Спрос, предъявляемый потребителем на тот или иной вид товара — деликатесы, платье модного фасона, автомобиль новой марки, патентованное лекарство, особый сорт

мыла, — не возникает стихийно. Его порождает умелая и настойчивая реклама. Спрос создают рекламодатели. Пускаются в ход все трюки: вам вкрадчиво внушают, безапелляционно говорят, без конца повторяют одно и то же; обращаются к вашей алчности, запугивают вас болезнями, вызывают в вас зависть, поощряют свойственное вам чувство собственного превосходства, льстят вашему тщеславию, разжигают желание ни в чем не уступать соседу; укрепляют в вас стадный инстинкт, чтобы вы, боже упас, не отстали от моды. Все средства используются для «того, чтобы заставить вас желать определенную вещь».

Иметь власть над людьми достаточно сильную, чтобы заставить их «желать» того или иного — значит обладать величайшей властью над народом, которой может достичь человек. Это такая власть, которая чуть ли не определяет, каковы будут люди. А если это верно, такая ли это власть, чтобы со спокойным сердцем оставлять ее в руках торговцев, которые, пользуясь ею, заставляют людей желать—чего? Только того, на чем какой-нибудь рекламодатель намеревается нажиться!

«Не все ли равно, как люди тратят свое время, если только они счастливы?» Мы уже ответили на этот вопрос, согласившись, что лучше искать счастья теми путями, которые укрепляют здоровье, развивают и обогащают человеческий ум и характер, нежели теми, которые отупляют и обедняют их. Не таков принцип торгашества! Принцип торговца гласит: лучше (для меня) убедить людей в том, что им нужно то-то и то-то, что они должны тратить свое время так-то и так-то и должны быть такими-то и такими-то, чтобы я мог извлечь наибольшую выгоду!

Вот коренное противоречие между цивилизацией и торгашеством. Кто за цивилизацию?

Если бы!.. Когда же?

Как разительно мог бы измениться и изменился бы мир, в котором мы живем, если бы...

Если бы жизнь каждого из нас была насыщена активным, всепоглощающим интересом!

Если бы каждый мужчина и каждая женщина в стране, просыпаясь поутру, с радостным нетерпением встречали наступающий день!

Если бы у каждого было множество интересных и достойных дел, которые он искренне стремился бы выполнить, чувствуя, что нехватит дня, нехватит целой жизни, чтобы вместить все это богатство!

Как разительно изменилась бы жизнь миллионов и миллионов людей, если бы...

Если бы каждый мужчина и каждая женщина жили подлинной духовной жизнью! Если бы с раннего детства каждого ребенка приучали и побуждали деятельно интересоваться всем, что его окружает! Если бы пытливость ребенка, жаждущего все узнать и понять, поощрялась и стимулировалась, если бы она поддерживалась в школьные и юношеские годы... и не только бы не угасала, а развивалась на протяжении всей жизни!

Как разительно изменились бы сами люди, если бы...

Если бы из их жизни была изгнана одуряющая скука; если бы им не приходилось бесцельно тратить свободные часы и «убивать» время; если бы они не зависели от других в своих занятиях и забавах, если бы они не жаждали одних только «развлечений»!

Насколько счастливее, насколько богаче содержанием была бы жизнь миллионов семей, если бы каждый член семьи увлекался каким-нибудь делом, имел свое пристрастие, занимался каким-нибудь ручным трудом, изучением интересного предмета, каким-нибудь искусством, — словом, почти любым видом деятельности, который заполнял бы его досуг, расширял его кругозор и требовал от него каких-то усилий.

Как уменьшились бы в нашей стране пьянство и моральное вырождение, злобные сплетни и пустая болтовня, как снизилось бы число преступлений и хулиганских выходов, как уменьшилась бы тяга к нездоровым наслаждениям, если бы молодежь больше увлекалась спортом, искусством, наукой.

Наконец, как изменился бы весь облик нашей цивилизации и какие горизонты открылись бы перед ней, если бы...

Если бы подавляющее большинство мужчин и женщин активно интересовалось жизнью своего коллектива и активно в ней участвовало! Если бы каждый со всей силой ощущал свою принадлежность к нации, глубоко сознавая ответственность за цели подлинной демократии!

Если бы каждый мужчина и каждая женщина участвовали в жизни одного или нескольких маленьких коллективов, разделяя общие усилия во имя достижения общей цели! Этой целью может быть строительство нового мира; может быть и усовершенствование местной площадки для детских игр. Такой целью могут быть совместные научные занятия или исследования, усердная подготовка выступления хорового кружка или оркестра, тренировка спортивной команды, поощрение игры в шахматы или любительских занятий живописью. Такой целью может быть организация встреч между юношами и девушками в обстановке, позволяющей им ближе познакомиться друг с другом и тем самым расширяющей для них возможность выбрать подходящего спутника жизни. Такой целью может быть совместное занятие каким-нибудь любимым делом на началах сотрудничества и соревнования. Наконец, цель коллектива может заключаться в том, чтобы убедить других людей в истинности какого-либо учения, в целесообразности определенного пути — в личной жизни или жизни нации. Единственное необходимое условие состоит в том, чтобы коллектив был объединен одной целью, чтобы все его члены добивались ее осуществления, чтобы каждый сознавал свой долг перед коллективом в целом, как бы скромны ни были его размеры и задачи.

Если бы — внутри единого всеобъемлющего коллектива, все члены которого обладали бы чувством коллективности и активно участвовали бы в общей жизни, — в нашей стране существовало множество малых коллективов, целеустремленных и деятельных, весь облик нашей цивилизации изменился бы. Вся жизнь народа неузнаваемо преобразилась и безмерно обогатилась бы.

Так что же?

Что можем мы сделать?

Не пытаясь ответить здесь на этот вопрос, я предо-

ставляю его на разрешение самому читателю. Мои предложения заключаются в самих названиях некоторых глав этой книги: «Сначала в семье», «Потом в школе» и других, где я говорю о необходимости уничтожить духовные наркотики, всячески содействовать быстрому развитию коллективной жизни во всех ее формах, начиная с создания подлинной национальной демократии <и кончая укреплением тысяч отдельных местных коллективов, имеющих свои, местные задачи.

Сначала в семье! Необходимы несложные, занимательные и эффективные формы воспитания, чтобы подготовить хороших родителей, способных разумно вырастить своих детей.

Потом в школе! Разумеется, нам нужны лучшие школьные здания. Каждая школа должна быть красивой, чтобы ею, как своей собственностью, гордились все ученики и родители, весь местный коллектив. Разумеется, нужны и лучшие педагоги! Прежде всего педагоги-энтузиасты! С пылом, с самозабвением, с радостью и интересом, с заражающим энтузиазмом должны они обучать детей своим предметам — вот первое и основное качество, которое надо требовать от учителя и в нем развивать.

Мое третье предложение — уничтожить различные виды духовных наркотиков, которые усыпляют ум, развращают вкусы, расслабляют волю. Но тут мы наталкиваемся на тот факт, что продажа таких наркотиков в высшей степени прибыльна, а при нашей нынешней социально-экономической системе всякое посягательство на любую форму извлечения прибыли осуждено заранее, осуждено всеми органами пропаганды, поставленной на службу коммерческим интересам. Лучше открыто признать тот факт, что у нас мало надежды искоренить торговлю духовными наркотиками, пока у нас сохраняется такая форма цивилизации (?), при которой соображения прибыли решают, что должно и что не должно предлагаться публике. Нам нужно решить: торгашество или подлинная цивилизация? Они несовместимы по самой природе своей. Мы должны сделать выбор.

Я еще раз спрашиваю: кто за цивилизацию?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ — В. Рубин	5
ДОСУГ. Перев. Я. Волжиной.	13
ВРЕМЯ, КОТОРОЕ ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ. Перев. И. Вол- жиной.	16
КАК СПАСАЮТСЯ ОТ СКУКИ. Перев. Я. Волжиной	19
АКТИВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ. Перев. Я. Волжиной.	23
СНАЧАЛА В СЕМЬЕ Перев. Я. Волжиной.	26
ПОТОМ В ШКОЛЕ. Перев. Я. Волжиной.	30
ВРЕД РАННЕГО НАЕМНОГО ТРУДА. Перев. Я. Волжиной	33
НАРКОТИКИ. Перев. Я. Волжиной.	37
КИНО Перев. Я. Волжиной.	38
РАДИО. Перев. В. Рубина.	42
ГАЗЕТЫ. Перев. В. Рубина.	47
ЧТЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ. Перев. В. Рубина.	52
ЛЮБИТЬ — ЗНАЧИТ ЖИТЬ. Перев. Д. Горбова.	57
ХОРОШАЯ И ПЛОХАЯ ДОМАШНЯЯ ОБСТАНОВКА. Перев. О. Холмской.	60
САМОЕ ГЛАВНОЕ — ЖИТЬ В КОЛЛЕКТИВЕ. Перев. Д. Горбова.	64
ОТДЫХ И СОКРАЩЕНИЕ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ. Перев. Д. Горбова.	70
КТО ЗА ЦИВИЛИЗАЦИЮ? Перев. В. Рубина.	76
ЕСЛИ БЫ!.. КОГДА ЖЕ? Перев. В. Рубина.	80

Технический редактор Б. Корнилов
Корректор Д. Броун

*
Сдано в производство 6/VIII 1947 г. Подписано к печати 14/X 1947 г. А103
Печ. л. 5¹/₄. Уч -издат. л. 4,3. Формат 82X108¹/₃₂. Издат. № 12/327. Зак. № 743
Цена 3 р. 50 к.

*
1-а Образцовая тип» треста „Полнграфкнига" Огива при Совете Министров СССР
Москва, Валовая, 28,